

ISSN 0131-5994

ПОБЕДИМЫЙ

7'91

ИЮЛЬ

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Марко де Мартино. МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ЭГОИСТЫ
8. Алексей Поликовский. МЫ
10. Уилл Стейджер. ВШЕСТЕРОМ ЧЕРЕЗ АНТАРКТИДУ
13. Катрин Панколь. ПАТРИСИЯ
15. Умберто Эно. ПОЧТИ КАК У ЛЮДЕЙ
17. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. Майкл Гилмор. РОК 60-х
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ
25. Клиффорд Саймак. ДЕНЬ ПЕРЕМИРИЯ. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ
29. С. Алексеева. ПОДРОСТОК
31. ВИДЕОКЛУБ

На первой странице обложки: лето обычно называют красным. А здесь, в окрестностях Калининграда, оно, оказывается, сиреневое (фото из журнала «Штерн»).

РОВЕСНИК 7'91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:
Журналистский коллентив редакции
ЦК ВЛКСМ
ИПО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор 16.05.91. Подписано в печ. 30.05.91. Формат 84 x 108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 2. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-нр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 040 000 экз. Цена 50 коп. Зак. 2091.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцневская ул., 21.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИЛИ ПОСТОРОННИМ ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН

Золотые пляжи, площади в тени пальм, дома из булыжников — Корсика прекрасно смотрится на рекламных открытках туристских агентств. Но чего явно недостает Корсике, так это гостеприимства. Тут часто можно увидеть написанные краской на стенах домов лозунги «Фурестери фора!» («Иностранцы вон!»). Причем под иностранцами подразумеваются прежде всего соотечественники с материка — французы.

Одним из любимых занятий местного населения стало зачеркивать краской дорожные указатели на французском языке и писать на них названия по-корсикански. Так националисты наглядно подкрепляют свое требование признать корсиканский язык государственным на их острове.

15 лет прошло с тех пор, как Корсиканский национально-освободительный фронт начал кампанию террора, чтобы ускорить процесс «деколонизации». Корсиканские командос взрывают туристские комплексы и захватывают туристов заложниками. Льется кровь, но чем дальше, тем труднее полиции отличить террор в политических целях от обычного гангстеризма.

Увы, теперь террористы все чаще приводят в пример ситуацию в Советском Союзе. «Посмотрите на Латвию и Армению», — говорит один из лидеров корсиканских националистов

Антуан Аквавива. — Мы хотим того же, что и они: права на самоопределение». Самое удивительное, что всего 6 процентов населения Корсики хотело бы полного отделения от Франции: слишком уж тесно связан остров с материком государственными программами, субсидиями и дотациями, слишком много корсиканцев живет за счет социальной помощи из французского бюджета.

На снимке вверху: боевики Корсиканского национально-освободительного фронта.

МАЙАМИ В МАНАГУА

В ночном клубе «Лобо Джек» жизнь начинается около 10 вечера, когда «золотая молодежь» уже пожелала доброй ночи родителям. Никаких требований к одежде завсегда таям клуба вроде бы не предъявляется, но им и без того известно, в чем следует появиться на людях. Джинсы фирмы «Гесс», спортивные рубашки «Ральф Лоран». Относительно духов есть выбор: или «Палома Пикассо», или «Картье». Язык, на котором тут изъясняются, — английский. Хотя в этой стране все говорят по-испански. Страна называется Никарагуа.

«Золотые» мальчики и девочки приехали из Майами, они росли в США, пока 10 лет в Никарагуа шла гражданская война. Когда же в прошлом году на выборах сандинисты лишились власти и президентом страны стала представитель местной знати Виолета Барриос Чаморро, буржуазия снова заняла утраченные позиции, и из

Мир Мимоходом

Майами вернулись богатые эмигранты.

С родителями вернулись и их дети, совсем не похожие на прочих детей постсанднистской Никарагуа — полураздетых, играющих в бейсбол самодельным тряпичным мячом. Сегодняшняя Никарагуа, по сути, разделена на две страны: первую представляет группа богатых

основные продукты питания, как рис, бобы и маис, закрыло многие бесплатные больницы. Нередко бывшие бойцы народной армии переквалифицируются в бандитов, чтобы силой добыть себе пропитание. Угоны автомашин и грабежи, с которыми было практически покончено при сандинистах, достигли теперь небывалого размаха.

В день возвращения, увидев столицу, 14-летняя Марта Кристина Сакасса с возмущением сказала матери: «Что это?! Ради этого ты так сюда стремилась?»

Многие дети вернулись сюда против желания и лишь смутно или совсем не помнят ту родину, которую по-

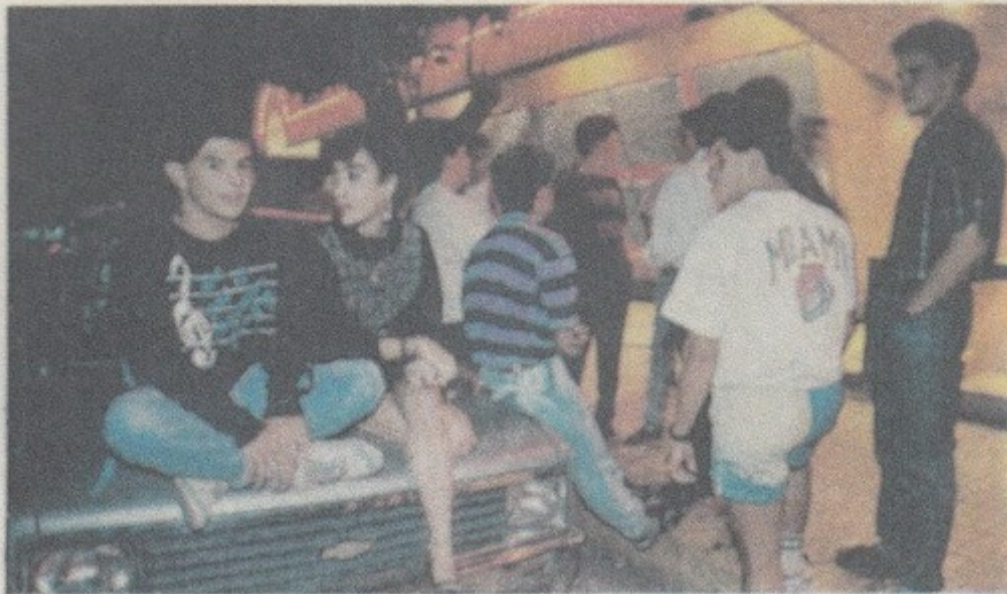
ним управлением, который по случайности тоже носит имя «Джесон». Аппарат движется под водой на стометровой глубине озера Онтарио, а Джесон Уильямс сидит за компьютером в сотнях километрах от места действия.

«Теперь влево, — советует Баллард. — Отлично. Ты прирожденный навигатор». Покуда тринадцатилетний Джесон управляет механическим тезкой, за его действиями по мониторам компьютеров следят 4 тысячи школьников в 14 учебных аудиториях в разных частях США и Канады. Каждое движение его руки на пульте компьютера передается спутнику, висящему на высоте 35 тысяч километров над экватором, от того сигнал мгновенно поступает на судно на поверхности Онтарио и уже оттуда — на подводный аппарат, обследующий останки военного корабля «Гамильтон», затонувшего в 1813 году.

На экранах компьютеров из мрака воды появляется изображение резной фигуры на носу корабля, переданное по спутниковой связи от телекамер, установленных на аппарате. 4 тысячи пар глаз наблюдают: вдруг Джесон не справится с управлением и аппарат врежется в корабль. Но Джесон действует четко.

«Наша цель, — говорит Баллард, — привлечь ребят к науке. Нужно, чтобы им было интересно». Следующую подводную экспедицию Баллард и его коллеги из Океанографического института Вудс Хоул планируют провести около Галапагосских островов.

На снимке: Джесон Уильямс за пультом управления.

кинули 10 лет назад. Они оставили в США школы, друзей и американский образ жизни, теперь, естественно, они пытаются восстановить привычную для себя атмосферу. Кто знает, может быть, США для них даже больше родина, чем родная страна, где им в будущем предстоит занять ключевые посты?

На снимках: на городской свалке; у ночной дискотеки в Манагуа.

ДЖЕСОН УПРАВЛЯЕТ «ДЖЕСОНОМ»

«Приближаемся», — говорит Роберт Баллард в то время, как семиклассник Джесон Уильямс из Кенсингтона, штат Мэриленд, плавно ведет аппарат с дистанцион-

или, во всяком случае, хорошо обеспеченных людей, вторую — все остальное население, полуголодное, нищее и раздетое. И хотя в Никарагуа привыкли к нищете и голоду, но теперь, после 10 лет всеобщего равенства, свое неравное положение люди воспринимают несколько иначе.

Правительство Чаморро ликвидировало государственные дотации на такие

ДОРОГИЕ СТАРШЕКЛАССНИКИ!

Если вы хотите все успевать, развить свою память, внимание, воображение, предлагаем вам окончить заочное отделение Всесоюзного Центра быстрого чтения.

Быстрое чтение — это ваш путь к успеху в учебе и жизни.

Вы получите единственный в нашей стране учебник «Техника быстрого чтения», методические пособия, записи сеансов аутотренинга.

Просим переводить плату за обучение только после получения от нас специального бланка. Запросы направляйте по адресу: 125047, Москва, 1-я Брестская улица, дом 50. Не забудьте вложить в письмо конверт с вашим обратным адресом.

Справки по телефонам: в Москве — 251-99-47;

в Киеве — 440-60-81;

в Ленинграде — 210-49-52;

в Ростове-на-Дону — 32-35-05;

в Свердловске — 51-62-98.

Всесоюзный Центр быстрого чтения ждет вас.

Смотрите:

Перед вами снимки солдат бундесвера, армии, которая совсем недавно была разделена на две противостоящие друг другу стороны. И каждая называла другую не иначе, как ближайшим противником. Сегодня все иначе: две армии слились в одну. Фоторепортан В. СОКОЛОВА рассказывает об учениях, и естественно, что за надром осталась другая жизнь, которую не назовешь, как мы привыкли это делать, «полными лишения солдатскими буднями»: комфортабельные казармы, увольнения с вечера пятницы до утра понедельника домой. И все же это не значит, что армия Германии избавилась от проблем. Об этом свидетельствуют и опросы общественного мнения: 54 процента 19–21-летних заявили, что идут служить против собственной воли.

Амбиций у них практически нет: «Я ни на что не претендую. Надеюсь, что буду жить спокойно, что у меня будет небольшой магазинчик электронной аппаратуры». Стремлений изолировать себя от окружающего мира — множество: «Жизнь прекрасна, но общество, в котором мы живем, ужасно. Значит, единственный способ выжить — это ограничить свою жизнь узким кругом, не думая о проблемах, более значительных, чем ты сам». Любопытства — ни малейшего: «Путешествовать? Нет, я родом из Мельцо, мне и так уже приходится каждое утро тратить столько времени на поездку в Милан. И, кроме того, мне нравится проводить время в моем городке, с моими друзьями, которых я хорошо знаю». Страх хватил бы и на тысячу человек: «В теории, мне хотелось бы поехать в Африку, но для этого нужна смелость, а ее у меня нет».

Клаудио, Мари, Роберто и Клаудиа — это молодые люди в возрасте от 15 до 21 года. Один изучает электронику во Французском лицее, другая — рекламное дело, третий учится на архитектурном факультете. Одеваются по-разному: кто — в свободном стиле, кто — в стиле панк. В общем, на первый взгляд обычные молодые люди. А между тем мышление у них — как у стариков: от будущего они требуют немного, больших планов не строят, сильные чувства их пугают. Может быть, это белые вороны? Отнюдь нет: подобного образа мышления, отчасти ограниченного, отчасти наплевательского, придерживается большинство их сверстников, о чем свидетельствуют результаты опросов.

Вот они перед вами, молодые итальянцы: для них важнее не собственные честолюбивые мечты, а стремление «жить спокойно» (45,6 процента); они хотят стать независимыми от родителей как можно позже (большинство говорит: к 26 годам), потому что живут с родителями в любви и согласии (об этом заявили почти 60 процентов опрошенных). Высокие идеалы? Они еще есть, но пребывают где-то далеко, на недостижимом Олимпе. Например, почти половина молодых людей (41,7 процента) считает одной из самых серьезных социальных проблем загрязнение окружающей среды. Но гораздо большее число юношей и девушек заявляют, что для решения этих проблем они не сделают ничего или почти ничего (7,9 и 55,9 процента). Это все равно что сказать: пусть этим занимаются другие.

Похожее отношение у них и к участию в политической жизни: хотя среди политических деятелей молодые люди называют своими учителями Ганди и Горбачева, ответы на вопрос о политических взглядах рисуют совсем иную картину. Лишь 22,2 процента заявили, что они придерживаются прогрессивных и левых убеждений. А остальные? Центристских — 19,3 процента, правых — 13,3 процента (то есть

МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ЭГОИСТЫ

Марко де МАРТИНО,
итальянский журналист

почти в три раза больше того числа голосов, которое неонацистская партия Итальянское социальное движение — Национальные правые силы получает на выборах), да еще 10,7 процента молодых людей поддерживают правые сепаратистские организации. Если к ним прибавить те 20,7 процента молодых людей, которые считают себя далекими от политики, то политический портрет молодого поколения можно считать очевидным: более двух третей молодых итальянцев решительно стоят на самых консервативных позициях и исповедуют принцип «моя хата с краю...».

Как охарактеризовать это поколение? До сих пор его определяли по-разному и весьма приблизительно. В последнем номере журнала «Линус» Микеле Серра, выделяя по крайней мере одну из характерных черт молодых итальянцев, назвал их «немыми». «Премудрые пескари», — сказал о них писатель Сандро Веронези в своей последней книге с аналогичным названием, где 20-летние называют жизнь просто-напросто выживанием, самосохранением. «Равнодушные», «лишенные жизненной опоры» — таков приговор социологов. Но после ознакомления с цифрами и с содержанием многих интервью невольно приходят на ум другие слова — эгоисты нового типа. Активная политическая позиция? «Слишком многие плюют на все, так что нет смысла выступать в поддержку кого бы то ни было» (Фабрицио, 19 лет, хочет быть архитектором). Секс? «О нет! Только после свадьбы: мужчина, который действительно любит, умеет ждать» (Барбара, 23 года, учится на экономико-коммерческом факультете). Работа? «Нет, если для этого нужно идти на какие-то жертвы. Деньги меня не интересуют: вполне

достаточно тех, какие позволяют жить хорошо. Сделать карьеру? Только в том случае, если это не потребует никаких усилий» (Маттео, 18 лет, учащийся классического лицея).

В общем, отступление по всему фронту. Давно забыты светлые 70-е годы, когда молодежь требовала «всего и немедленно», годы «постоянного бунта». Нынешних итальянских лицеистов не интересуют, по-видимому, даже события во Франции, где их ровесники протестуют против несовершенства системы образования, нехватки учителей и против отсутствия социальных гарантий. «Там тоже политические требования не обязательно самые главные, но там на улицу вышли 200 тысяч человек! — говорит Кристина Артони, ведущая передачи «Школа» на Миланском народном радио, посвященной проблемам учащейся молодежи. — У нас же две недели назад в манифестации в Милане приняли участие 10 тысяч, а в Риме — 3 тысячи человек, и к тому же

большинство из них не учащиеся лицеев, а те, кто больше всего опасается за свое будущее. В общем, и на этот раз их побудил к действию скорее страх не найти работу по душе, чем стремление выразить поддержку политическим идеалам».

Бунтарские идеи? А против кого бунтовать? Уж, конечно, не против родителей, взгляды которых большинство молодых людей разделяют, хотя иногда и критикуют их. «Я не особенно спорю с моими родителями, потому что, и я это понимаю, у них больше жизненного опыта,— поясняет Мари.— Единственное, чего я у них не приемлю,— что они позволили своим родителям навязать им определенный образ жизни. Я же хочу сама построить свою жизнь». «Во всяком случае, на все это вполне можно не обращать внимания,— подчеркивает Дамиано (18 лет, изучает электронику в техникуме Сеттембрини),— хотя я постоянно цапаюсь с моими родителями, но это все по мелочам. И уж, конечно, незначительные перепалки не заставят меня уйти из дома». А с другой стороны, куда уйти? По данным опроса, проведенного Миланским католическим университетом Святого Сердца, третья часть итальянцев моложе 24 лет — безработные. Жизнь в семье, даже приятная,— это обязательный выбор. «Я даже пробовала уйти из дома, но вернулась назад,— призналась Мадалена (23 года, учится на философском факультете в Риме).— Два месяца спустя я поняла, что для того, чтобы содержать себя, мне пришлось бы отложить сдачу экзаменов, и тогда мне пришлось вернуться к родителям».

То ли из-за того, что трудно найти работу (которая, по мнению большинства опрошенных, должна позволить «реализовать себя»), то ли по другим причинам, они никогда не уходят из дома. Хо-

тя большинство молодых людей мечтают стать самостоятельными как можно скорее, результаты опроса показывают, что лишь одному из пяти это удается до достижения 24 лет.

Им трудно перейти от теории к практике. То же самое наблюдается и в вопросах экологии. «Подростки проявляют огромный интерес к проблемам защиты окружающей среды, но практической деятельностью в этом плане занимаются лишь тридцатилетние»,— подтверждает Рената Инграо, национальный секретарь Итальянской лиги охраны окружающей среды. «Молодежь действует и составляет 35 процентов членов нашей организации, но она проявляет солидарность главным образом во время кратковременных мероприятий, и ей чужды высокие идеалы». Что это — очередной пример того самого прагматизма, который побуждает молодых людей считать школу и культуру всего лишь обязательными путями к хорошему месту работы? «Это, несомненно, свидетельствует о том, что они не столько эгоисты нового типа, сколько эгоцентристы, которых прежде всего заботит их внешний вид»,— рассуждает вслух управляющий организацией, изучающей социальные изменения в обществе. «Но если, с одной стороны, они не так идеологизированы, то, с другой, гораздо меньше шансов на то, что их идеологические стремления могут перерасти в фанатизм. Быть эгоцентристами — значит также проявлять меньшую готовность участвовать в войне».

Наверное, все это так и есть. Но если молодые итальянцы не воюют, может быть, они заняты любовью? Не то чтобы очень. Лишь 4,5 процента опрошенных заявили, что секс — основа семейных отношений. И если уж этим следует заниматься, то, по мнению большинства, главное в этом вопросе —

удовлетворение партнера. Вот что говорит Клаудиа (21 год, из Болоньи): «В основе отношений супружеской пары лежит взаимопонимание; секс же имеет значение лишь на 30 процентов. И только в том случае, если доставляет удовольствие обоим». А вот что думает Эрика (19 лет, третий класс классического лицея): «В отношениях супружеской пары секс имеет значение самое большее на 50 процентов, а остальное — это доверие и взаимопонимание». А Дамиано (18 лет) говорит: «Я хочу, чтобы мой брак был основан на искренности и верности. Секс не имеет значения». Так ли это? Наполовину, как считает Мариза Джероза, психолог из Рима: «Когда они говорят, что для них главное — удовлетворение партнера, я им не верю: большинство девушек характеризуют юношей так: «Им бы только поскорее отделаться». Но верно и то, что молодое поколение никак нельзя считать обуреваемым любовной страстью: по их мнению, супружеская пара — это один из вариантов дружбы».

То, что молодые люди очень любят поговорить, замечают почти все социологи и журналисты. В этом уверены также сотрудники журнала «Земморанда», особенно с тех пор как они подвели итоги конкурса на самый оригинальный дневник. «Больше всего меня поразили полная раскованность и откровенность молодых людей, которые прислали свои дневники, даже не вынув из них фотографии и письма личного характера»,— говорит Нико Колонна, сотрудник редакции журнала «Земморанда», где получили уже около сотни дневников.

Дневник 15-летней Кьяры начинается со значка Ломбардской лиги (правая сепаратистская организация.— Прим. ред.). Но на следующей странице —

фотография котенка (подпись под фотографией — «Милая крошка!») и затем пачка любительских фотографий: манекенщицы, певцы (Трейси Чепмэн — «Слишком хороша!»), артисты (Джон Траволта — «Неплохо!»). Джулиано, 17 лет, приклеил на обложку своего дневника фотографию Нельсона Манделы. А на следующей странице — запись: «Хочу Ирену!» Менее лаконична 17-летняя Джойя: «Мне не нравится, как мы изучаем школьные дисциплины. Мне не нравятся методы преподавания, мне не нравится делать вид, что я внимательно слушаю учителя, если в это время я думаю совершенно о другом. Я уже не получаю от школы ничего хорошего и хочу сменить обстановку».

В общем, даже дневники, верно отражающие личную жизнь подростков, не помогают понять, находимся ли мы в мире низкопробной «мыльной оперы» или же имеем дело с духовным неблагополучием, которое только выжидает подходящего мгновения, чтобы вырваться наружу. «Хотя движения рождаются отнюдь не от заявлений о намерениях, мне кажется знаменательным то, что многие молодые люди выбрали для себя в качестве персонажей-символов Ганди и Горбачева, — говорит социолог Луиджи Манкони. — С другой стороны, налицо все признаки того, что подходит к концу цикл стабильности в молодежной среде: не следует забывать о событиях в Париже. И не следует забывать о том, что как раз в конце 1967 года (1968 год — время массовых молодежных демонстраций протеста, прокатившихся по странам Европы. — *Ред.*) были опубликованы результаты массового опроса, отразившего апатию молодежи европейских стран».

Молодежь — слой нестабильный, говорят социологи. Нельзя исключать возможность того, что эгоизм может породить активность. И, с другой стороны, бунты всегда устраивает меньшинство. В этом убежден Джанни Куперло, национальный секретарь Итальянской коммунистической федерации молодежи, который призывает не обобщать: «Молодежь — это те, кто не прочь пофорсить, но это также и те, кто участвует в манифестациях протеста против незаконной деятельности секретных служб. Конечно, молодые люди — индивидуалисты. Но это также умы, занятые поисками приемлемых альтернативных решений».

Каждый день, в полдень, на вокзал Хельсинки прибывает поезд из Москвы. Вокзал в этот час тих и пуст. Скучает на перроне носильщик в си-

ней униформе, терпеливо ждет покупателей продавец за лотком, полным апельсинов и бананов. Московский поезд, ведомый гигантским тупорылым электровозом, wpłyвает в этот аккуратный пейзаж как призрак иных миров. В самом его виде есть нечто грозное и угрюмое. Долго и медленно тащатся вдоль перрона вагоны, набитые вещами и людьми, с проводниками в черных шинелишках, застывшими в открытых дверях. В окнах видны бледные, взволнованные лица. Тех, кто едет не по казенной надобности, а сам по себе, в надежде найти работу и остаться дольше, чем на разрешенный месяц — узнаешь сразу. В их лицах радостное оживление, а в глазах — тревога. Они, отправляясь по приглашению на месяц, часто везут с собой вещей — на всю оставшуюся жизнь.

Вот они сходят по ступенькам на чужую землю, волоча чемоданы, сумки, затянутые марлей корзины, баулы, ящики, пакеты, перевязанные бечевкой картонные коробки. Носильщик не спешит к ним, и на лице продавца нет вежливой улыбки. Они знают, что у советских не бывает денег. А если и бывают — то они не будут тратить их. Они предпочитают сами таскать вещи к остановке автобуса и терпеть до дома, игнорируя платный туалет. Они разъезжаются по Хельсинки, переправляются паромом в Швецию, летят самолетами в другие страны Европы. Еще вчера, в Москве или Ленинграде, Риге или Ростове, они были разделены различной судьбой и различным положением в обществе. Сегодня, очутившись за границей, они вдруг начинают осознавать себя как единство, как

МЫ

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

общность, как некое «мы», в основе которого — одна тревога и одна надежда.

День за днем идут поезда и летят самолеты, вывозя за пределы страны все новых и новых эмигрантов. Сейчас, когда выезд за рубеж связан с формальностью приглашения, их сотни тысяч. Сколько их будет, если исчезнут последние — уже пробитые, уже разваливающиеся — барьеры? Цифры прогнозов растут с каждым месяцем. Чем туманнее будущее — тем суровой прогноз. В начале прошлого года речь шла о восьми миллионах. В начале этого уже промелькнула цифра «тридцать миллионов» — каждый десятый, включая младенцев и стариков, огромная масса людей, для которых эмиграция из книжно-правового понятия превратилась в реальный выход. В Москве, у метро «Тургеневская», рядом с бабушками, продающими нитки сушеных грибов, рядом с мужиком, разложившим на застеленном газеткой ящике мочалки, — молодой алкоголик предлагает всем желающим купить у него анкеты, выдаваемые американским посольством потенциальным эмигрантам. Анкета на выезд вошла в быт, ее легче купить, чем кусок сыра, чем коробок спичек. Мы быстро и верно превращаемся в нацию, бегущую от своих вождей, в народ, одержимый мечтой — очередной мечтой. Это мечта о победе, о счастье, о странах, где жизнь привольна и легка, а успех доступен всем. Мы верим, что сумеем завоевать себе место под американским солнцем,

в израильском столпотворении. Почему бы и нет? Если мы умеем выживать здесь, где жизнь так трудна, — то там, где жизнь так легка?..

Мы уже повсюду. Но то ли еще будет! Америка и Франция, Финляндия и Швеция с опаской глядят на увешанных баулами людей в плохо сшитых костюмах и стоптанных туфлях, высаживающихся с самолетов и поездов. Советского узнаешь за рубежом по манерам, по повадкам, по отношению к деньгам. Взрослые люди, заработав сто долларов (детские деньги), спешат открыть счет в банке. Кому же из нас не приятно иметь собственный счет, кто же из нас упустит случай щегольнуть в разговоре: «Да нет, я просто позвоню в мой банк...» Те же взрослые люди ходят погулять в супермаркет, поглазеть на вещи и вещицы. Кто стоит раскрыв рот перед монитором, установленным в торговом зале и двенадцать часов в день показывающим один и тот же рекламный ролик? Это мы стоим. Кто, проходя по улице мимо магазина видеотехники, норовит непременно попасть в поле зрения видеокамеры, работающей нон-стоп? Конечно, мы же. Мы любопытны, как дети, мы вездесущи, как провинциалы в столице. Где сегодня дешевая распродажа трикотажа? Спросите у нас — мы знаем. Сколько стоят резиновые сапоги? Мы знаем и это, мы их уже купили. И кого это там как магнитом притянуло к чану, в который свалены майки, продающиеся в шесть раз дешевле обычного? Тоже нас. Упорные, знающие цену каждой марке и каждому центу, мы будем стоять и полчаса, и час, терпеливо перебирая почти бесплатно отдающуюся дрянь, пока в конце концов не выудим что-то не вовсе бездарное.

Мы не виноваты. Такими нас сделала советская жизнь — жизнь, где за труд платят обрезками бумаги, а вместо точного знания годами расцветали мифы. Ядовитые мифы. Нас превратили в детей. Мы представляем современную Францию по романам Дюма. Наша логика незамысловата, наши мозги окрашены в черно-белые тона. Мы уверены, что если тут нам плохо, то там будет непременно хорошо. Там может быть хорошо. Но там может быть и плохо — только на иной лад, не так, как тут. Можно уехать хоть в Австралию, можно эмигрировать хоть на край света, в город Веллингтон, но нельзя уехать от самого себя, каким ты вырос здесь, от собственного характера и отношения к жизни. Эмиграция — это не волшебная палочка, превращающая советского человека в аккуратного японца, в пунктуального немца. Пересечение границы не есть переход в зазеркалье, где наша бездарность вдруг становится гениальностью, наше незнание — знанием. Страна, из которой мы уезжаем, не только вокруг нас — она в нас.

Мы — нравится нам это или нет — советские. Можно не любить эту вяло соображающую, плохо артикулирующую власть — и стать похожим на нее, проведя рядом с ней годы. У нас здешние понятия об успехе, и они въелись в кожу, впитались в кровь. Мы владеем техникой пас-

сивного сопротивления, мы умеем выживать в советских джунглях. Но насколько этот опыт применим в джунглях иного рода, которые наши сладкоречивые комментаторы называют «цивилизованным миром»? Это преувеличение. Цивилизована сфера обслуживания, область быта. Что касается человека, то он — как здесь, так и там — не очень любит чужаков и в первую очередь думает о собственном преуспевании. Он рад нам, когда мы приезжаем в гости, но начинает искоса смотреть на нас, когда мы претендуем на его рабочее место. Он хочет знать, что мы можем дать ему, что мы умеем полезного для него, какие потребности и интересы его жизни мы можем удовлетворить, используя наш опыт и наши умения.

Нас не ждали и не ждут. Пока мы выживали друг другу мозги, отвергали здравый смысл, изобретали вечный двигатель и талдычили о преимуществах наших недостатков — мир разросся, заполнил все ниши, превратился в сложный движущийся механизм, пронизанный нервами и связями. Где тут место для нас? Плохо образованные, плохо одетые, с туманом в головах и чемоданами в руках — мы удивленными деревенскими парубками явились на эту фабрику и смотрим с удивлением, раскрыв рот: «Вот это да! Во дают! Во умеют!»

Кто мы? Что мы умеем — всерьез, а не по нашим оригинальным меркам, вносящим в любое дело множество поправок, не имеющих отношения к делу? В Хельсинки среди наших эмигрантов есть люди, спекулирующие водкой и считающие, что это бизнес. В Америке наши соотечественники разбавляют на бензоколонках бензин водой. Это смех, а не успех. Эта игра по нашим правилам на их поле кончается с приходом полицейского. На подобных финтах и трюках жизнь не построишь; для чего-то другого надо и уметь что-то другое. Но откуда нам знать истинную меру наших способностей, истинный масштаб наших сил? Мы десятилетиями жили в реторте, десятилетиями были отрезаны от нормальной системы координат. И вот теперь нас, как какой-то невесомый шарик, носит по всей шкале ценностей — от черного до белого, от нуля до тысячи, от самоуничтожения до гордыни. Мы — неумелые ученики, бедные родственники? Или: мы — волки, жадные до жизни, скопившие в себе столько сил, что их хватит на завоевание трех Америк?

Ответа нет. Мы только выходим из инкубатора, в котором нас держали. Опыт только начинается. Слишком рано для ответа.

В мире, омываемом океанами, в мире, в котором никогда не заходит солнце, у нас еще нет настоящей репутации и точной цены. Мы тут еще не жили, на рынках товаров и труда не конкурировали. Истинную нашу цену нам еще предстоит познать, истинную репутацию — выковать. Душа Америки, как известно, заключена в сияющем восьмицилиндровом мощном моторе «бьюика» последней модели, душа Японии — в компьютере «Ямаха». В чем выражаем себя мы — с наивной страстью провинциалов ринувшиеся за-

Ровесник 7'91

воевывать мировые столицы? В мате, уже явно слышимом на Елисейских полях, на хельсинкской Эспланаде? В танках и матрешках, в водке и красноречивой буденовке? Но это карикатура, анекдот, а не слепок с нашей души.

У нас есть единицы, готовые к жизни на Западе, единицы, сумевшие сохранить в себе дар и честь в долгие годы бессмыслицы. Но не о них речь. «В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей» (В. Ключевский). Эти миллионы, так безжалостно приговоренные лучшим русским историком, — мы. Нас коробит от этих слов, мы с ними не согласны, мы готовы спорить? Спорить не надо — мир не уютная московская кухня, где вечерами произносится столько интересного. Москва не верит слезам, а Нью-Йорк и Париж словам. Надо уметь кем-то быть. Это самое трудное умение, которому можно научиться в жизни.

А пока мы — нас тысячи, сотни тысяч — стоим в очередях в ОВИР, давимся в толпах у посольств, планируем отъезд и надеемся на будущую жизнь. Мы едем в поездах, летим на самолетах, вздыхаем с облегчением, оставив трудности и унижения за спиной — и испытываем тревогу, думая о будущем. Воротилы европейского текстиля уже рассчитывают на нас, уже поняли, с какими чувствами мы едем к ним — и выбросили на рынок алые майки с серпом, молотом и надписью: «Я выжил!» Да, мы выжили. И вот в полдень в гигантском поезде-мастодонте мы прибываем в Хельсинки. Мы сгружаем на перрон наши пять чемоданов, сумку и три коробки. День прекрасен. Небо высоко. С близкого моря дует ветерок. От причалов порта отваливают огромные суда, держащие путь к заманчивым дальним берегам, к городам, которые нам только снились. И пусть чемоданы оттягивают руки, ремень сумки режет плечо, коробки бьют по ногам, а в кармане нет ни марки, ни цента — мы шагаем вперед, и легкое чувство переполняет нас, и мысль будоражит кровь: «Да, ничего не понятно... будущее не ясно... но все-таки жизнь прекрасна и исполнена приключений, и пропасть нельзя, если у тебя есть руки и голова!»

Мы шагаем. Здравствуй, новая жизнь, похожая на иностранный роман! Мы выходим в город. В пяти минутах ходьбы от вокзала, у огромного магазина «Стокман», на пересечении улиц Маннергейма и Александра, собралась маленькая толпа. Что такое, что происходит? В кружке людей пляшет цыганка, на неделю раньше нас приехавшая в Финляндию из Москвы. Она поводит плечами, идет косым шагом, поднимает руки над головой и глядит страстным взором. Финны стоят, смотрят флегматично, редко бросают монетки. Им немножко любопытно, что представляет собой эта пришлица из другой жизни, а вообще-то — все равно. Их танцами и песнями не проймешь. У них свои проблемы.

Подходит трамвай, они поворачиваются спиной к страдальчески заламывающей руки цыганке — и уезжают.

От беспомощности и отчаяния я заплакал. Из-за слез, куда больше чем из-за колючего ветра и метели, я почти ничего не видел. Снежный шторм задержал нас на целые сутки всего в 25 километрах от цели — берега Антарктиды. Мы слишком долго шли, слишком много пережили вместе, чтобы теперь, когда все позади, потерять товарища. Мы обязаны были его найти.

Мы продолжали поиски, блуждая в снежной мгле, обвязавшись длинной веревкой, на конце которой за нами тянулись сани. «Кейцо!.. Кейцо!» — звал я, силясь перекричать вой ветра. До меня словно откуда-то издали доносились голоса товарищей, кричавших то же самое. Наш японский друг Кейцо Фунацу — мягкий и сентиментальный Кейцо — вышел из палатки в 4.30 после полудня, чтобы накормить собак. К 6 часам мы уже поняли, что он заблудился. Мы искали всю ночь, крича и прислушиваясь, пуская осветительные ракеты, бесполезные в этом снежном вихре.

Утром мы возобновили поиск. Я представил худшее, что могло быть: вот последние несколько десятков километров мы тащим сани, на которых завернутое в национальный японский флаг лежит тело Кейцо. «Кейцо!» — взревел я снова.

Я не поверил глазам, когда вдруг он появился из-за снежного занавеса. «Я жив», — сказал он. Мы прижались друг к другу и долго стояли так. Мы оба плакали.

Поняв, что он заблудился, Кейцо вырыл в снегу яму, лег на дно, свернулся клубком, как это делают собаки, и вскоре метель намела над ним крышу. Там с буддийским спокойствием он и пролежал 13 часов, пока не услышал наши крики.

Теперь, когда Кейцо нашелся, я уверился в успехе нашей экспедиции.

Я мечтал об Антарктиде еще мальчишкой, разглядывая в журнале «Нэшнл джиографик» фотографии ледовых гребней, расщелин и палаток исследователей. Я удивлялся, как удается людям выжить в подобных условиях. Уже тогда я знал, что Антарктида как раз то место, где я должен побывать.

Я мечтал о ней 30 лет. Мечта воплотилась в реальность благодаря случайной встрече — шанс которой равнялся одному из миллиона, — произошедшей в центре Северного Ледовитого океана, когда след моей собачьей упряжки пересекся со следом лыж француза Жана-Луи Этьена, совершавшего одиночный пробег к Северному полюсу. В ту ночь мы сидели

ВШЕСТЕРОМ

Уилл СТЕЙДЖЕР,
американский исследователь

ЧЕРЕЗ

АНТАРКТИДУ

в палатке, пили чай и обнаружили, что у нас общая мечта. Там, на льду, мы обменялись номерами телефонов и, вернувшись с Северного полюса, занялись подготовкой трансантарктической экспедиции.

Мы решили, что наша команда будет состоять из шести представителей разных народов — США, Франции, СССР, Китая, Японии и Великобритании. Тем самым мы хотели доказать, что люди, воспитанные в самых различных условиях, могут хорошо работать вместе для достижения общей цели пусть даже в самых жесточайших условиях, существующих на планете.

Наш маршрут был проложен вдоль самой длинной оси материка от оконечности Антарктического полуострова через Южный полюс и так называемый «недоступный район» к советским станциям «Восток» и «Мирный». Недоступная территория в 1300 километров прежде пересекалась только на вездеходах. Мы не могли предвидеть ни погодных условий, ни силы снежных бурь. Очень многое нам предстояло узнать лишь после того, как мы окажемся посреди ледового континента.

Официальное начало экспедиции — на рассвете 27 июля 1989 года: 6 человек, 3 собаки упряжки с санями, нагруженными палатками и продовольствием, 40 собак. Собаки рванули так резво, что раскидали группу телеоператоров, прибывших снять на пленку наш старт. Температура была всего минус 33, и путешествие проходило легко и приятно. Но уже после первых 15 километров нам преградила дорогу глубокая расщелина в ширину трех саней — не сосчитать, сколько потом их встретилось на нашем пути, — и нам пришлось идти в обход.

Чтобы выдержать график, мы должны были проходить в среднем по 30 километров в день, что стало огромной трудностью для китайца Кина Дейха, который прежде никогда не стоял на лыжах. В первую неделю он падал на снег по нескольку раз на дню.

Не меньшую трудность представляло взаимное общение: мы согласились, что нашим общим языком будет английский, но Виктор Боярский из СССР и Дейх только начинали его учить. К счастью, между нами почти не было случаев непонимания. С первых же дней мы стали обращаться друг к другу по прозвищам: например, Виктор, обрушивавшийся своей недю-

жинной силой на все, к чему прикасался — от супа до колбасок, — получил от нас кличку «Волшебное прикосновение».

На 11-й день температура поднялась до минус 17, ветер задул со скоростью 110 километров в час. Мы попали в лабиринт расщелин глубиной в 30 метров, замаскированных тонкими корками снега. Виктор, прокладывая путь, шел словно с завязанными глазами по улице с открытыми колодцами.

Два дня мы отсиживались в лагере. Виктор пел по сборнику русских песен, а я изучал звездное расписание, стараясь выяснить (как оказалось, наивно), когда у нас будут белые ночи. Вдруг ветер полностью затихал, но проходило какое-то мгновение, и он, как пушечный выстрел, хлопая нейлоном палаток, возвращался опять.

В прошлую зиму англичанин Джефф Сомерс летал в Антарктиду и в 12 пунктах на пути нашего следования оставил запасы продовольствия, каждого из которых хватило бы на пропитание всей команды и собак в течение двух недель. В этих запасах была наша жизнь, так как из-за снежных бурь мы не могли рассчитывать на помощь с воздуха. Иногда по нескольку дней мы оказывались без радиосвязи со своей базой в Пунта-Аренсе, в Чили.

К тому времени у нас уже выработался определенный распорядок жизни. Каждый день начинался с того, что Виктор голый, только в сапогах-снегоходах, выскакивал из палатки принять «снежный душ», после чего делал визиты и сообщал всем сводку погоды. «Сегодня тепло, — бывало, кричал он сквозь тонкую стенку палатки. — Скорость ветра всего 30 километров. Нужно надеть маску от солнца». Мы привыкли не вылезать из спальных мешков, пока Виктор не сообщит нам сводку.

Большую часть пути мы шли в снежном тумане. «Как внутри пинг-понгового шарика», — сказал Кейцо. Всякий раз, когда мы теряли идущих впереди, мы становились на четвереньки, чтобы отыскать их слабые следы, уже занесенные снегом.

Мы прошли уже мимо двух запасников с продовольствием. Их трехметровые вешки с флажками оказались занесенными снегом. Нам пришлось экономить продукты и подкармливать собак собственным пеммиканом (смесь сухого мяса и жира).

Мельчайший снег проникал всюду — в одежду, в палатки, в спальные мешки. Губы у нас потрескались, мы обморозили щеки, варежки обледенели. Из-за трещин на пальцах любое дело — запрячь собак, поставить палатку и приготовить еду — стало задачей пыткой. Впервые в жизни я позволил себе откровенно представить, каково было умереть в этом холоде Роберту Фалкону Скотту¹ всего в 17 километрах от запасника с продовольствием 80 лет назад.

Наше положение ухудшалось. Питания для собак осталось на 2 дня, а наш следующий запасник наверняка похоронил снег. Уже неделю мы не могли связаться по радиации со своей базой, но даже если бы нам это удалось, при такой погоде самолет никогда бы нас не нашел. В ту ночь мы собрались в палатке Жана-Луи обсудить наши шансы.

Мы обговорили возможные варианты дальнейших действий, вплоть до отправки самолетом нескольких членов команды на канадскую базу: освободившись от части грузов, собаки смогли бы дотянуть сани с тремя оставшимися людьми до первой станции. Но тут Виктор заявил: «Собаки как люди. Сегодня они

¹ Знаменитый английский исследователь Р. Ф. Скотт 18 января 1912 года со своей экспедицией достиг Южного полюса, на обратном пути все члены экспедиции погибли.

устали, а завтра уже смогут идти. Давайте не паниковать». 66-й день, 30 сентября: «Никакого улучшения, — записал я в журнале. — Кончилось питание для собак. Снег все глубже, собаки не могут идти, мы проваливаемся в снег по пояс». Самолет с продовольствием нашел нас к концу того дня. Мы снова были спасены. Нервное напряжение, накопившееся за последние 3 года и особенно за последний несчастный месяц, вдруг выплеснулось в диком необузданном восторге. Жан-Луи и я стали пихать друг друга, глядя на исчезающий вдали самолет.

Каждые 3 дня мы ждали снежного шторма, но тот, который обрушился на нас теперь, продолжался почти 60 дней, температура была минус 34, скорость ветра — 145 километров в час. По утрам нам приходилось по нескольку часов откапывать из-под снега сани и спящих собак. Жан-Луи передал по спутниковому каналу простой текст: «Промерзли до костей».

Самый тоскливый момент наступил для меня в середине октября, когда однажды, выбравшись из палатки, чтобы накормить собак, я нашел своего старого друга Тима мертвым. Тим был прекрасной собакой — наполовину волк — с густой черной шерстью, вожак упряжки, на которой я ходил к Северному полюсу. Теперь в пятилетнем возрасте он замерз на Антарктиде, несмотря на свою густую шерсть.

В понедельник, в полдень, 11 декабря, мы заметили в небе маленькую точку. Точка превратилась в огромный транспортный самолет, совершавший низкую посадку на Южном полюсе. База все еще была вне поля зрения. Но самолет приземлился как раз в том месте, куда Виктор направлял наш маленький караван. Мы вышли точно на цель.

Сначала появились антенны, потом и сама американская геодезическая станция Амундсена-Скотта. Вскоре мы увидели и столб, обозначающий Южный полюс, со сверкающим шаром на макушке. Вокруг него полукругом стояли какие-то красные штуковины, похожие на бочки для топлива.

«Бочки» оказались людьми, которые вышли нас встречать. В толпе из шести десятков человек я увидел транспарант: «Привет из Миннесоты!» — моя родина. Собаки ринулись прямо на людей. Чудесная получилась встреча. Почти как возвращение домой. Наше послание по спутниковой связи было коротким: «Вот мы и здесь. Ура!»

Когда мы вошли в недоступный район, нам пришлось подниматься на высоту 3420 метров. Из-за головокружения и нехватки кислорода всякий раз, толкая сани или устанавливая палатку, мы совершали подвиги Геракла. Здесь мы снова столкнулись с замерзшими, как гребни океанских волн, плато из льда. Передвижение саней безумно затруднилось, а идти на лыжах стало почти невозможно. Каждый из нас без конца падал. Из-за сильных ушибов Дейху и мне пришлось вообще отказаться от лыж, и мы, корчась от боли, ковыляли следом за санями.

Покуда мы поднимались, воздух становился все тоньше, теперь большую опасность представляли ультрафиолетовые лучи. Однажды Дейх не стал надевать маску и тут же сжег щеки.

На маршруте через недоступный район мы могли ждать пополнения запасов продовольствия только с воздуха. Планировалось, что мы получим помощь дважды. Спасибо советской антарктической экспедиции, пожертвовавшей ради нас своим неприкосновенным запасом горючего. Опасность заключалась в том, что у нас не было других альтернатив. Если у самолета случилась бы поломка или пилоту не удалось бы нас найти, мы бы оказались в безвыходном положении.

Район считался недоступным по многим причинам, и одной из них была повышенная солнечная активность, которая в момент нашей экспедиции приблизилась к пику своего одиннадцатилетнего цикла, сделав почти невозможной всякую радиосвязь. Снова мы оказались вне досягаемости современной техники.

Чтобы помочь пилоту нас обнаружить, через каждые 3 километра мы строили колонны из снега высотой в полтора метра. На каждую уходило по 5 минут, что немного скрашивало монотонность нашего путешествия.

Самой сложной для нас стала проблема, чем занять свои мозги. День за днем, неделя за неделей мы повторяли одни и те же действия, видели один и тот же ландшафт.

Я проводил досуг, проектируя дома с солнечным обогре-

вом, мечтая о будущих экспедициях, стараясь воскресить в памяти ощущения, столь далекие от окружавшего нас белого безмолвия: ночные звуки лета, запахи леса, первые лучи солнца в мае. Я копался в своей памяти в поисках самых обыкновенных моментов, которые здесь были дороже любых драгоценных камней.

Жан-Луи каждый день представлял себя на новой работе: сегодня — шахтером, завтра — президентом Франции. Дейх сказал, что, пока мы шли через недоступный район, он восстанавливал в памяти всю свою жизнь: семья, друзья, места, где побывал. Кейцо думал о Японии, о доме, о своей девушке и пробовал петь. Джефф, всегда практичный и деловой, подсчитывал и пересчитывал, сколько мы прошли, сколько осталось, на сколько дней хватит продовольствия для нас и для собак.

Мы добрались до советской станции «Восток» 18 января 1990 года, став первыми, кому удалось пройти сквозь недоступный район на своих ногах. Сорок жителей советской станции приветствовали нас салютом из ракетниц. Многие из них знали Виктора, который работал здесь в 70-е и 80-е годы. Нас встречали по русскому обычаю хлебом и солью, советским шампанским и баней.

Теперь запасники продовольствия на нашем маршруте сделали советские вездеходы, курсировавшие между «Востоком» и «Мирным». Холод усилился. Даже Джефф, всегда отличавшийся необыкновенной стойкостью, записал в своем дневнике: «Если бы вы только слышали, как мы скулим и хнычем по утрам. Вся внутренность палатки покрыта льдом, спальный мешок затвердел как камень, спина ноет от холода. Выползая наружу, в этот жуткий холод, испытываешь ужас. Первая задача — зажечь горелку... Едва открываешь коробок со спичками, как спички покрываются изморозью. Вся еда превратилась в лед. Когда тебе все-таки удалось зажечь горелку, ты берешь чайник, но оказывается, что с него невозможно снять крышку, она примерзла намертво. Одежда, которую ты вывесил на ночь просушиться, обледенела. Единственное, чего тебе хочется, — залезть в спальный мешок и остаться там. Но у тебя нет выбора... ты должен идти».

Однажды в полном недоумении я очнулся после крепкого сна, услышав чириканье и пересвист птиц! Жан-Луи улыбался из своего спального мешка: он слушал магнитофонную запись пения птиц, которую приберег до этого дня. Неделью спустя мы увидели и первую настоящую птицу — поморника — и говорили о ней целыми днями.

В двух днях пути от «Мирного» снова с неистовой силой налетела снежная буря. Как всегда в таких случаях, через каждые несколько метров вокруг палаток мы воткнули в снег лыжи и палки, чтобы они служили нам вешками. На этой стоянке и потерялся Кейцо, о чем лучше всего расскажет его журнал:

«Очень немногие люди прошли через это испытание, и я сказал себе: «Успокойся и постарайся получить удовольствие». В снежной яме я по-настоящему почувствовал Антарктиду. В этом безмолвии мне казалось, будто я в утробе матери. Я мог слышать, как бьется мое сердце — тук, тук, тук, — как у грудного младенца. Моя жизнь казалась малюсенькой по сравнению с природой, с Антарктидой».

На следующий день буря утихла, и 3 марта 1990 года — после 220 дней пути, преодолев 6019 километров, — мы достигли противоположного берега континента.

Когда мы входили в «Мирный», мы были в экстазе, нас захлестывала бессловесная радость. Советские люди встречали нас как родных. Они принесли с собой символическую финишную ленту, более 100 человек вышло приветствовать нас. Среди них была жена Виктора, Наташа, которая прилетела на станцию сделать ему сюрприз.

Мы сидели за столом, и советские хозяева поднимали тосты в нашу честь. Я оглядел своих товарищей по команде. Мы прошли через всю Антарктиду, а наша дружба не только не пострадала, но стала еще глубже и крепче. Эти узы настоящей привязанности друг к другу, рожденные в общих страданиях, сделали сильнее и каждого из нас. Именно дружба вела нас — 6 человек из 6 разных стран — через ледяной континент. Возможно, в этом и есть наш самый большой успех. Мы доказали, что совсем не отличаемся друг от друга.

Сокращенный перевод с английского В. СИМОНОВА

ПАТРИСИЯ

Катрин ПАНКОЛЬ,
французская журналистка

Эта история маленькой девочки из шахтерской семьи, девочки, к которой фея прикоснулась своей волшебной палочкой. Папаша Каас вкалывал на шахте, мама растила семерых детей в пригороде Форбака Стиринг-Вендель. Семья не знала ни каникул на берегу моря, ни игрушек, зато в ней царила любовь. Такое трудное и счастливое детство нечасто встретишь сегодня. Такое детство незабываемо, ибо, если лишить Патрисию Каас ее родины, родителей, пяти старших братьев и сестры, невозможно понять эту миниатюрную женщину, которая извивается на эстраде, коллекционирует «золотые диски», зажигает публику от пятнадцати до семидесяти пяти лет в Париже, Москве, Токио. Для Патрисии любая музыка — бальная, так как с восьми лет она поет на народных балах. Ее первый гонорар — пакет с конфетами. «Когда я пела на праздниках пива, люди приходили не за тем, чтобы слушать меня, а чтобы выпить и поразвлечься. Было трудно, но на этом учишься, и сегодня мне это очень помогает. И потом то, что я начала петь в раннем детстве, развило мои голосовые связки. Желание петь пришло само, никто меня не заставлял. Я поднялась на сцену по собственной воле».

Однажды в 1983 году в ее голос безумно влюбился один человек — архитектор из Битша, отец семейства. Он делает все возможное, чтобы парижане услышали Патрисию и дали ей шанс. Он завоевывает доверие мамы Каас и студии грамзаписи «Фонограм». Он найдет для Патрисии автора текстов, композитора и знаменитого покровителя, который не сможет устоять перед ее голосом, — Жерара Депардьё. Похоже, что карьера Патрисии на подъеме. Но — фальстарт: первый диск в 45 оборотов, названный «Ревнивая», провалился. Патрисия стискивает зубы и начинает все с нуля. «После этого поражения я записала «Мадемуазель поет блюз». Это было в марте 1987 года...»

ВОПРОС: Вы считаете, вам «повезло» или «так и должно быть, ведь я много работала»?

ОТВЕТ: Мне повезло, но я и работала тоже. Я так хотела заниматься этим делом! Я много тружусь и с большим желанием. По-моему, в этом и заключается жизнь. Например, я живу на шестом этаже без лифта, и когда возвращаюсь с гастролей и нужно лезть наверх со всем багажом, я страшно злюсь. Но я поднимаюсь и в конце концов достигаю цели! Воля превыше всего.

ВОПРОС: Вы выглядите очень серьезной девушкой.

ОТВЕТ: Да. Такова я в жизни и в работе, особенно в работе. Скажем, так уж я воспитана, в основном матерью. Она всегда мне говорила: «В жизни нужно бороться, иметь сильную волю, характер». Такой я и выросла. Я не особенно забочусь о себе, только люблю покупать шмотки.

ВОПРОС: Что вам нравится в вашем успехе?

ОТВЕТ: То, что люди любят меня за то, что я есть, а не за то, о чем я пою. Я не хочу меняться, становиться другой.

ВОПРОС: Внезапно вы стали зарабатывать много денег...

ОТВЕТ: В сущности, это почти ничего не изменило. Если у меня много денег, я не буду покупать дорогие вещи, жить в шикарном гостиницах и обедать в престижных ресторанах. Когда я езжу на гастроли, я останавливаюсь в тех же гостиницах, что и музыканты из моей группы. Я не люблю богатства. Потому что настоящие богачи выглядят такими смешными, когда за ними понаблюдаешь. Я не люблю богатых, чувствующих себя выше всех остальных лишь потому, что они богаты. Мне кажется, это глупо и смешно.

ВОПРОС: Что вы делаете со своими деньгами?

ОТВЕТ: Я купила машину «хонду» и квартиру в кредит. Это, конечно, здорово, но я могу сказать, что не в деньгах счастье. До этого я тоже была счастлива, но по-другому, вот и все. Счастья не купишь. Я живу просто, редко посещаю модные заведения, потому что чувствую там себя не в своей тарелке: я там не на месте, уж так воспитана...

ВОПРОС: Случается ли вам веселиться?

ОТВЕТ: Нет, по-настоящему нет. В ресторанах и кафе всегда накурено, а это опасно для связок. Я уже дважды срывала голос, теперь я осторожна.

ВОПРОС: Вас никогда не соблазнили наркотики?

ОТВЕТ: Никогда. Я не курю, не пью, потому что не люблю спиртного. Единственный раз в жизни я попробовала водку в России и опьянела. Мне незнаком вкус марихуаны. Подобные вещи меня не интересуют.

ВОПРОС: Создается впечатление, что вы думаете только о работе.

ОТВЕТ: Не только. Например, о том, как обходятся с пожилыми людьми. Я к этому очень чутко отношусь. Ведь первый раз в жизни я ввязалась в драку как раз из-за этого. Тогда я училась в коллеже, мне было около одиннадцати лет. Я была очень маленькой, худенькой. Мы вошли в автобус, чтобы ехать домой, когда какой-то верзилка плюнул сзади на маленького старичка. Я возмутилась и подумала: «Если я сейчас скажу этому хулигану

все, что о нем думаю, он поколотит меня, но ведь это не страшно!» Я так и сделала, сказала ему все, что о нем думала, и даже залепила ему пощечину...

ВОПРОС: Ну и чем же все кончилось?

ОТВЕТ: Он отколотил меня. Но я была горда собой.

ВОПРОС: Кажется ли вам, что вы сами определяете свою судьбу?

ОТВЕТ: Да. И в работе, и в жизни я теперь самостоятельно принимаю все решения. Так было не всегда, надо было многому научиться, но уже два года я все решаю сама. Например, когда я сменила студию грамзаписи, было трудно, но я пошла на риск. Мне хочется, чтобы так продолжалось долго.

ВОПРОС: Всю жизнь?

ОТВЕТ: Этого я не знаю. Я хочу выйти замуж, иметь детей. Сегодня мне нравится быть одной, но, когда у меня будет семья, я знаю, она будет на первом плане.

ВОПРОС: Остается ли у вас время на личную жизнь?

ОТВЕТ: В ближайшем будущем меня это не особенно интересует.

ВОПРОС: Вам не хочется жить с кем-нибудь?

ОТВЕТ: Нет. Если завтра я страстно полюблю, я буду думать только о своем избраннике. Но сегодня меня занимает моя работа, а жить с кем-нибудь еще не время.

ВОПРОС: Говорят, что между вами и Аленом Делоном была большая любовь?

ОТВЕТ: Эта история глубоко меня взволновала, ведь я очень ценю Алена Делона. Однажды он позвонил мне и приехал на мой концерт в «Зените». Я почувствовала, что он восхищается мной и любит меня, но... Все думали, что у нас любовный роман. Я очень хорошо отношусь к Делону. Он почти мой друг. Этот человек занимается нашим делом многие годы, он изредка мне звонит, я с ним разговариваю — он очень добр. Но между нами ничего не было.

ВОПРОС: Страшно начинать самостоятельную жизнь в Париже?

ОТВЕТ: В общем-то, я довольно робкая. Меня воспитали в немецких традициях. Я плохо говорила по-французски. Дома и с друзьями мы говорили по-немецки. Когда я оказалась в Париже, мне было трудно.

ВОПРОС: Как раз тогда заболела ваша мать.

ОТВЕТ: Да. Самым тяжелым моментом в моей жизни была смерть матери. Не могу даже вообразить себе что-либо более ужасное. Она была больше чем мать. У нас была почти что любовь. Мы всегда были вместе, никогда не разлучались. Вместе ходили в кино, вместе гуляли. Говорили, что из-за нее я выгляжу несколько старообразно. Когда я уехала в Париж, мне было очень нелегко покинуть ее, но она так хотела, и я повиновалась. Когда она заболела, я часто уезжала по вечерам из Парижа, проводила ночь у нее в больнице, а утром возвращалась обратно. Я ношу ее обручальное кольцо. У меня есть также маленький плюшевый мишка, которого я когда-то ей подарила. В день смерти она держала его в руках. Я сохранила игрушку, она всегда со мной — в сумке, в кармане.

ВОПРОС: Вы верите в Бога?

ОТВЕТ: Нет, не очень. Я верю в любовь. Любовь вечна. Когда я нуждаюсь в любви, я думаю о маме, и она приходит ко мне.

ВОПРОС: А вы хотели бы петь что-то еще, создать другой репертуар?

ОТВЕТ: Некоторые говорят, что мне с моим голосом можно бы петь песни получше, но я вот такая, какая есть. Я ведь очень простой человек, у меня не особо богатый запас слов. Если я не прочувствую текст песен, я не смогу их петь, вкладывать в них чувство. Надеюсь, что когда-нибудь смогу сама писать слова для песен.

ВОПРОС: Что вы думаете о мире шоу-бизнеса?

ОТВЕТ: Самые великие люди просты — Монтан, Азнавур. Но есть и другие, как Мирей Матье, которые строят из себя звезд. В школе я все время защищала ее от нападок своих товарищей, но, когда мы встретились, я была разочарована. Я не уважаю людей, которые слишком много о себе воображают. Это идет от окружающих, которые целыми днями твердят им, что они лучше всех. Чтобы избежать этого, я выбрала неизвестных менеджеров, еще не испорченных своим ремеслом.

ВОПРОС: Какой вы себя считаете?

ОТВЕТ: Не красавицей, не уродом. На сцене я чувствую себя лучше, более привлекательной. В детстве (из-за моей бледности и худобы) у меня было полно комплексов.

ВОПРОС: А вы мечтаете о прекрасном принце?

ОТВЕТ: В юности я считала, что на свете нет прекраснее мужчины, чем Ален Делон!

На снимке: Патрисия Каас со своей мамой.

Гиперреализм — почти как у богатых, почти как у знатных, почти как у цивилизованных, почти как настоящее, словом, совсем почти как надо — охватил в наше время не только быт, искусство и историю, но и природу. И прежде всего — зоопарки, где вы можете увидеть животных почти на свободе, а также прирученных дельфинов, попугаев, катающихся на велосипеде, тюленей, пьющих «Мартини» и закусывающих маслинами.

В зоопарке Сан-Диего каждый вольтер представляет собой воссозданную в «натуральную величину» подлинную среду обитания животных. Господствующая тема этого зоопарка — охрана исчезающих видов, и это великолепно. Вероятно, среди всех ныне существующих зоопарков в мире зоопарк Сан-Диего единственный, где животных по-настоящему уважают. Однако неизвестно, кого это уважение должно убеждать больше — животных или же самого человека. Ведь, несмотря на всю свою роскошь, этот зоопарк уже содержит в зародыше философию, которая цветет пышным цветом в экологических резервациях, называемых «Дикими мирами», из которых мы выберем для примера «Морской мир Африки» неподалеку от Сан-Франциско. Здесь мы можем говорить уже о целой индустрии подделок, потому что в этом диснейленде для животных мы попадаем как бы в Африку, состоящую из островов, пальмовых рощ, рек, по которым плывут маленькие лодки и пароходы все как один с названием «Королева Африки», с борта которых мы восхищаемся зебрами и носорогами, как бы свободно разгуливающими на берегу. Символический центр мира — «Экологический театр», где вас усаживают в комфортабельном амфитеатре (а если вы не садитесь, то в высшей степени любезная, но безжалостная билетерша заставляет вас сесть), потому что все должно происходить в комфорте, здесь вы господствуете над дикой природой, выпущенной на сцену!

Шаткость равновесия между обещанием показать вам нетронутую природу и гарантией искусственно созданного покоя чувствуется постоянно: вы видите прирученных китов, которых вам представляют как китов-убийц; вероятно, эти животные действительно опасны, когда они голодны. Будучи убежденными в том, что они свирепы, мы испытываем удовлетворение, когда видим, как покорно подчиняются они командам и даже отвечают завываниями, почти напоминающими речь, на задаваемые им вопросы...

Словом, «Мир» приоткрывает перед нами уменьшенную модель «золотого века» человечества, в котором нет больше ни конкуренции, ни борьбы за выживание, и где люди и

ПОЧТИ КАК У ЛЮДЕЙ

Умберто ЭНО,
итальянский писатель

звери взаимодействуют без конфликтов. Однако для того, чтобы «золотой век» настал, нужно, чтобы животные согласились соблюдать условия контракта: они получают пищу, что освобождает их от необходимости быть хищниками, а люди любят их и защищают от наступления цивилизации. Кажется, будто «Мир» втолковывает нам, что если пищи хватает на всех, в революции нет больше необходимости, однако для того, чтобы иметь пищу, нужно согласиться на предложенные завоевателем условия мира. Приглядевшись, мы увидим, что речь идет об очередной вариации на тему «тяжкого бремени, лежащего на плечах белого человека».

Любопытно, что в этом экологическом театре посетитель оказывается не в стане человека-укротителя, а в одном ряду с животными: так же, как и животные, посетитель должен следовать по определенным маршрутам, садиться на свое место в нужный момент, покупать соломенные шляпы, сладости, слайды, восхваляющие дикую, но безопасную свободу. Животные зарабатывают счастье, становясь похожими на людей, а посетители — уподобляясь животным.

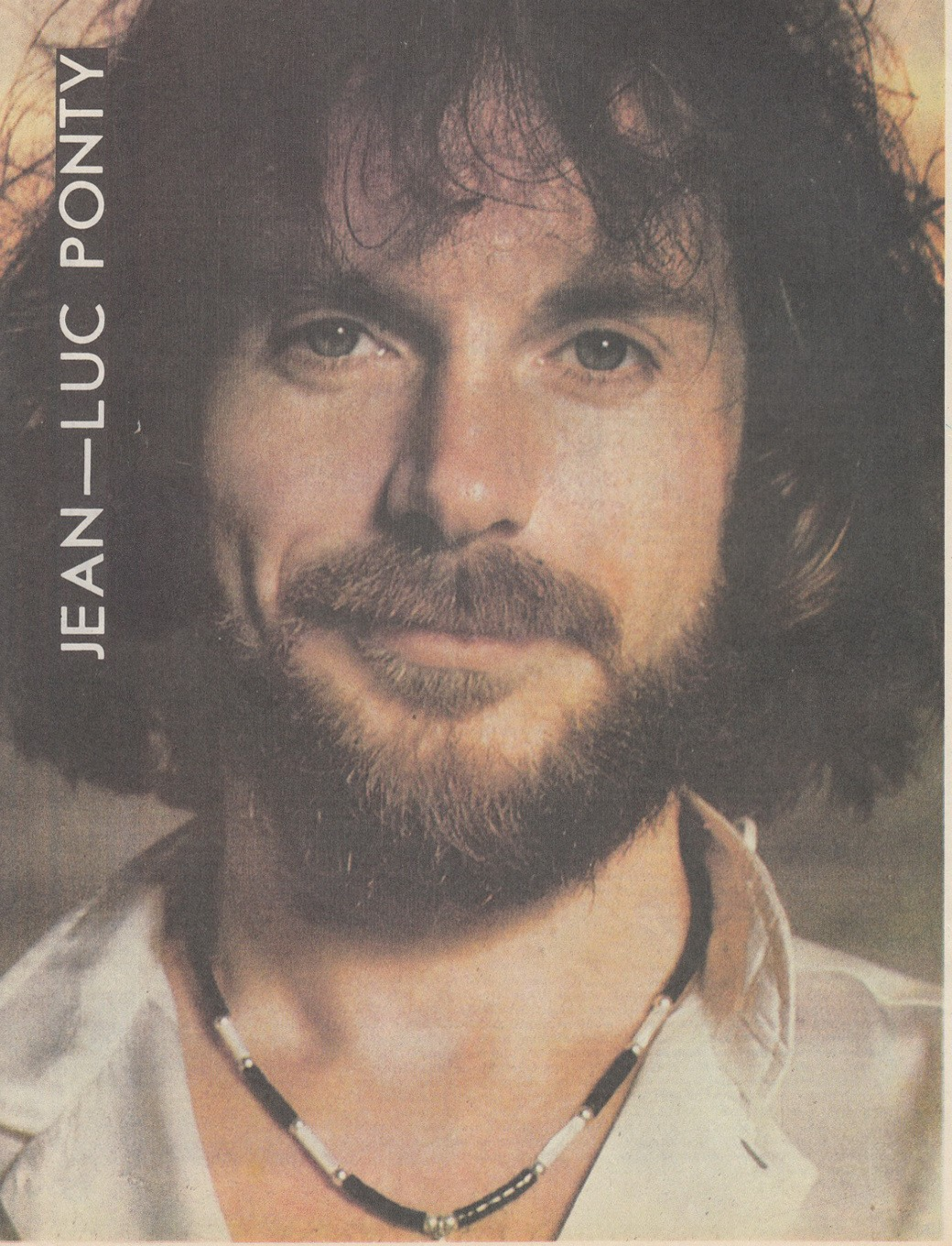
В том, что животные становятся похожими на людей, скрыт один из наиболее изощренных источников производства Абсолютной Подделки, такого гиперреализма, что дальше некуда. Так, «Морской мир» можно сравнить с музеями восковых фигур, где все является знаком, но все стремится стать реальностью. В «Морских мирах» — наоборот, все реально, но все стремится быть знаком. Киты-убийцы танцуют и «отвечают» на вопросы укротителей не потому, что они приобрели лингвистические способности, но потому, что при их дрессировке использовали их

условные рефлексии. Для нас же, зрителей, условие удовольствия заключается как раз в том, чтобы что-то было фальсифицировано. «Миры» волнуют больше, чем другие экзотические места, потому что, казалось бы, здесь происходит почти полное единение с природой. Однако реальная природа при этом исчезает в искусственной возможности прикоснуться к ней в нетронутом виде.

Впрочем, если продолжать рассуждать дальше, можно впасть в морализаторство в духе второразрядного рационализма. Места эти очень приятны: если бы такие места существовали в Европе, они могли бы стать вполне достойными похвалы образовательными центрами. Больше тревожит то, что на уровне более высоком, чем буквальное понимание пользы подобных рукотворных «Диких миров», открывается картина, напоминающая общество, описанное Дж. Оруэллом в романе «1984» и уже, как оказалось, реализованное на уровне животных. Беспокоит именно символическая угроза.

Перевел А. ПАВЛОВ

JEAN—LUC PONTY

М

MAYALL, JOHN. Джон Мейолл. Родился 29 ноября 1933 г. в Манчестере, Великобритания. Гитарист, клавишник, вокалист, композитор, продюсер.

Дж. М. — отец британского белого блюза и основоположник школы виртуозной блюзовой гитары, оказавшей огромное влияние на современный рок — будущи учеником Алексиса Корнера, Дж. М. открыл и «вылепил» таких известнейших сегодня музыкантов, как Эрик Клэптон, Мик Тейлор, Джен Брюс, Киф Хартли, Эйнсли Данбар, Джон Марк, Джон Алмонд, Джон Хайзмен, Питер Грин, Мик Флитвуд, Джон Манвай и многих других выдающихся мастеров.

В 12 лет он начал изучать классическую и гавайскую гитары, а к 14-ти освоил и фортепиано. Окончив в 1949 г. художественный колледж Манчестера, Дж. М. работал мойщиком окон, парикмахером, фотографом, гримером и затем ушел в армию. После демобилизации он сформировал свою первую группу «Powerhouse Four» (1955), а в 1959 г. с отличием закончил Британскую академию искусств и стал преуспевающим художником (впоследствии он сам занимался оформлением конвертов своих пл.).

В начале 60-х Дж. М. начал выступать «подогревателем» во время англ. гастролей известных амер. исполнителей, таких, как Джон Ли Хуер и Сонни Бой Уильямсон. В 1962 г. он познакомился с Алексисом Корнером, переехал в Лондон и собрал группу «Blues Syndicate», которая в 1963 г. сменила название на «Bluesbreakers» («Разрушители», а по сути дела — «Реформаторы блюза») — помимо него, в состав группы вошли Джон Манвай, бас; Дэви Грэхем, гит.; Питер Уорд, уд.

К моменту выхода дебютного альб. в составе «Б.» появился Эрик Клэптон — записанный с его участием диск «Bluesbreakers — John Mayall With Eric Clapton» (1965) достиг в англ. хит-параде 6-го места, а состав, записывавший пл. (Дж. М.; Э. К.; Дж. Манвай; Хью Флинт, уд.), считается лучшим за всю историю группы.

Вторая половина 60-х ознаменовалась экспериментами в области ритмических структур и полифонии — группа Дж. М. не только разработала свой характерный саунд, но и практически заново переписала теорию блюза, бесконечно раздвинув границы этого стиля. Лидер «Б.» философски смотрел на постоянные изменения состава своей группы, справедливо полагая, что любой работавший с ним музыкант, который впоследствии добился славы, лишь укрепляет репутацию «школы Дж.М.». А поскольку Дж. М. весьма трепетно относился к муз. традициям прошлого и инстинктивно понимал, что эксперименты могут привести к обрыву этой связи (он является активным участником символического движения «back to the roots», то есть «назад к корням»), то каждый музыкант, «освободившийся из пленок Дж. М.», автоматически становился проповедником его идей.

В 1966 г. Э. Клэптон покинул Дж. М. (и вошел в состав «Cream»), его место занял Питер Грин, которого в 1967 г. сменил неизвестный гитарист Мик Тейлор (П. Грин сформировал «Fleetwood Mac») — позже М. Тейлор был приглашен в «Rollings Stones» на место погибшего Брайана Джонса. В 1967 г. Дж. М. выпустил альб. «Блюз как таковой», где играл на всех инструментах, кроме уд. (Киф Хартли). Альб. 1968 г. «Обнаженные провода» стал кратковременным уходом из блюза в прогрессивный джаз-рок (после выхода этой пл. Хайзмен организовал группу «Colosseum»).

Однако, несмотря на «разбазаривание талантов», Дж. М. все же ощущал потребность в хотя бы относительно стабильном составе, и, набрав новых музыкантов (М. Тейлор; Стивен Томпсон, бас; Колин Аллен, уд.), «Б.» провели триумфальные гастролы по США и записали альб. «Блюз из каньона Лорель», вошедший в амер. Top 20.

После ухода Тейлора Дж. М. перебрался на местожительство в США, разорвал контракт с фирмой Decca и перешел под крыло международного конгломерата Polydor.

«Американский период» Дж. М. интересен прежде всего совместной работой с музыкантами из «Canned Heat» и задействованием мощной духовой секции. Однако поиск не прекращался, и в 1970 г. Дж. М. записал акустический альб. «The Turning Point», в который вошла одна из самых популярных вещей музыканта «Room To Move». Не менее интересен и диск 1972 г. «Jazz-Blues Fusion» — как видно даже по названию, это попытка — и, надо сказать, очень удачная, — соединения джаза и блюза; в записи пл. принимали участие выдающийся джазовый трубач Блю Митчелл и контрабасист Виктор Гэскин.

К середине 70-х Дж. М. практически потерял голос, и на альб. 1975 г. «Новый год, новая группа, новая компания» он впервые за всю свою карьеру воспользовался услугами постороннего вокалиста — в данном случае это была певица Ди

Маккинни. Его следующий диск «Обратите внимание» продюсировал известный композитор из Нового Орлеана Аллен Тюссо, но пл. форменным образом «провалилась». В 1978 г. музыкант несколько поправил свое положение, выпустив альб. «Последний представитель британского блюза», но в целом творчество Дж. М. уже не привлекало широкую публику.

В начале 1982 г. он, Манвай и Тейлор попытались возродить «Б.» в одном из самых сильных составов и даже предприняли турне по США и Австралии, но предпринятие успеха не имело — новое поколение любителей рока не понимало «новый блюз» Дж. М. Однако музыкант никогда не выходил из поля зрения муз. прессы, выпуская сборники, которые зачастую оказывались интереснее его текущих студийных работ. В 1986 г. Дж. М. совершил гастрольную поездку по странам Восточной Европы, результатом которой стал великолепный концертный альб. «За железным занавесом», вошедший в англ. хит-парад (11-е место).

В следующих студийных пл. прослеживается тенденция возврата к блюзовым истокам второй половины 60-х — можно сказать, что в какой-то мере Дж. М. начинает повторяться, но не следует забывать, что, во-первых, его творчество практически неизвестно молодому поколению и, во-вторых, этот человек более, чем кто бы то ни было, заслужил право на уважение к себе и своим ошибкам.

Пл.: John Mayall Plays John Mayall, 1964; Bluesbreakers — John Mayall With Eric Clapton, 1965; A Hard Road, 1967; Crusade, 1967; The Blues Alone, 1967; Raw Blues, 1967; John Mayall With Paul Butterfield, 1967 (EP, с Полом Баттерфилдом); Diary Of A Band Volume One, 1968; Diary Of A Band Volume Two, 1968; Live At Kloooks Kleek, 1968 (Live LP); Blues Giant, 1968 (сборник); Bare Wires, 1968; Blues From Laurel Canyon, 1969; Looking Back, 1969 (сборник); So Many Roads, 1969 (сборник); Bluesbreakers Live In America, 1969 (Live LP); Best Of John Mayall, 1969; (сборник) The Turning Point, 1970; Empty Rooms, 1970; USA Union, 1970; Live In Europe, 1970 (Live LP); World Of John Mayall, Vol. 1, 1970 (сборник); Back To The Roots, 1971; The World Of John Mayall, Vol. 2, 1971 (сборник); Memories, 1971; Beyond The Turning Point, 1971; Jazz-Blues Fusion, 1972; Through The Years, 1972 (сборник); Down The Line,

РРР вне очереди

Западногерманская группа «Destruction» («Разрушение») образовалась в 1984 году — как следует из названия, коллектив не жалуется такие стили, как диско, поп, рэп и прочую «легкоту», а исповедует «жесткость и тяжесть на грани безумия» (такое определение творческой концепции «Destruction» дают сами музыканты), точнее — трэш-спид-метал.

На первых порах состав «Destruction» часто менялся, но это лишь усилило потенциал группы — образовавшийся путем «естественного отбора» окончательный вариант «Разрушения» выглядит настолько сильным, что группа по праву считается лучшим представителем германского трэш-спид-рока. Это прекрасно видно по таким работам 1987 года, как мини-альбом «Безумный мясник» и диск «Агония — прочь!». В январе 1990 года группу покинул вокалист и бас-гитарист Шмаер, и последний альбом «Помутившийся рассудок» был записан с участием вокалиста австрийской группы «Poltergeist» Андре Грайдера. В настоящее время «Destruction» проводит европейское турне с не менее известной немецкой группой «Sodom».

Destruction

1972 (сборник); Moving On, 1973; The Best Of John Mayall, 1973 (сборник — не путать с альб. 1969 г.); John Mayall Profile, 1973 (сборник — выходил только в Германии); Ten Years Are Gone, 1973; Star Portrait, 1973 (сборник); Pop History, 1973 (сборник); The Latest Edition, 1974; New Year, New Band, New Company, 1975; Notice To Appear, 1975; John Mayall, 1976; Banquet In Blues, 1976; Lots Of People, 1977; A Hard Core Package, 1977; Highlights, 1977 (сборник — выходил только в Германии); Primal Solos, 1977 (сборник); The Last Of The British Blues, 1978; Blues Roots, 1978 (сборник); Bottom Line, 1979; No More Interviews, 1979; Road Show Blues, 1980 (Live LP); Steppin' Out, 1981 (сборник); Room To Move, 1984 (сборник); Stormy Monday, 1984 (сборник); Behind The Iron Curtain, 1986 (Live LP); The Collection, 1986 (сборник); Some Of My Best Friends Are Blues, 1986 (сборник); Roadshow, 1988; Archives To Eighties, 1988 (сборник); Night Riding, 1988 (сборник); Chicago Line, 1988; A Sense Of Place, 1990.

Изменения состава: 1963 — Грэхем, + Сэмми Проззер, гит.; — Проззер, + Бернье Уотсон, гит.; 1964 — Уотсон, — Уорд, + Джон Гилби, гит., + Хью Флинт, уд.; — Гилби, + Роджер Дин, гит.; 1965 — Дин, + Джефф Криббит, гит.; — Криббит, + Эрик Клэптон, гит.; — Маквай, + Джек Брюс, бас; 1966 — Клэптон, — Брюс, — Флинт, + Питер Грин, гит., + Маквай, + Мини Уоллер, уд. — Уоллер, + Эйнсли Данбар, уд.; 1967 — Данбар, — Грин, — Маквай, + Мин Флитвуд, уд., + Мин Тейлор, гит., + Пол Уильямс, бас, + Крис Мерсер, духовые, + Рип Кент, духовые; — Флитвуд, — Уильямс, — Кент, + Киф Хартли, уд., + Кит Тиллмен, бас, + Дин Хенстолл-Смит, духовые; 1968 — Тиллмен, — Хартли, + Энди Фрейзер, бас, + Джон Хайзмен, уд.; — Фрейзер, — Хайзмен, + Тони Ривз, бас, + Колин Аллен, уд. — Ривз, + Стив Томпсон, бас; 1969 — Тейлор, — Аллен, + Джон Марк, гит., + Джон Алмонд, сакс., уд.; 1970 — Марк, — Алмонд, — Томпсон, + Харви Мандел, гит., + Ларри Тейлор, бас, + Дон Харрис, скрипка; 1971 — Мандел, + Джимми Манналлох, гит., + Пол Лагос, уд.; — Макналлох, — Лагос, + Фредди Робинсон, гит., + Хартли, уд.; — Хартли, + Рон Селино, уд.; — Селино; 1972 — Тейлор, + Виктор Гэснин, контрабас, + Хартли.

MAYFIELD, CURTIS. Кертис Мэйфилд. Родился 3 июня 1942 г. в Чикаго, США. Композитор, вокалист, гитарист.

Вокальная карьера К. М. началась очень рано, в составе черной группы «Northern Jubilee Singers», являвшейся частью церковного хора, которым руководила бабушка К. М. Окончив школу, К. М. познакомился с Джерри Батлером, и в 1957 г. они организовали вокальную ритм-энд-блюзовую группу «Impressions». В 1958 г. вместе с Сэмом Гуденом и братьями Брукс они записали компо-

зицию «For Your Precious Love», которая вошла в амер. хит-парад. В 1960 г. К. М. написал песню «He Will Break Your Heart» (вокальную партию исполнял Батлер, М. К. играл на гитаре), которая заняла первое место по категории ритм-энд-блюз и 7-е в хит-параде поп-синглов. «И.» распались, вновь собрались с М. К., Гуденом и Фредом Кэшем, подписали контракт с фирмой ABC и выпустили сингл в стиле фламенко «Gypsy Woman» (2-е место в категории ритм-энд-блюз, 20-е — поп).

В начале и середине 60-х гг. К. М. много и плодотворно работал и в результате создал свой собственный саунд, получивший название «чинагское звучание» — в тот период он успешно конкурировал с признанными лидерами фирмы Motown. М. К. продолжал работать с «И.», создавая, продюсируя и исполняя как остросоциальные песни, так и чисто коммерческую попсу. Уровень его творчества прекрасно характеризуют следующие вещи: «It's All Right» (1963; 1-е место в категории ритм-энд-блюз, 4-е — поп), «I'm So Proud» (1964; 14-е — поп), «Keep On Pushing» (1964; 10-е — поп), «Amen» (1964; 17-е — ритм-энд-блюз, 7-е — поп), «People Get Ready» (1965; 3-е — ритм-энд-блюз, 14-е — поп), «We're A Winner» (1968; 1-е — ритм-энд-блюз, 14-е — поп).

Вскоре он стал штатным продюсером фирмы Columbia и начал работать с самыми разными исполнителями, в том числе с Мейджором Лансом и Джином Чендлером — его композиции «The Monkey Time», «Um, Um, Um, Um, Um, Um», «Just Be True», «Nothing Can Stop Me» в исполнении этих певцов в разное время занимали высокие позиции в национальном хит-параде. Основав две собственные фирмы грамзаписи Windy C и Mayfield, М. К. поставил на ноги группу «Five Stairsteps And Cubie» (с его композицией «World Of Fantasy» музыканты попали в хит-парад США и Великобритании) и сделал звездами «The Fascinations».

В конце 60-х М. К. организовал третью фирму грамзаписи, Curtom, входившую в состав объединенной фирмы Buddah Records (в 70-е гг. его фирмы влились в Warner Bros. и RSO). В 1970 г. он вышел из состава «И.» и начал сольную карьеру, хотя на протяжении многих лет он продолжал осуществлять музыкальное руководство этой группой.

Альб. «Curtis» (19-е — поп), «Curtis — Live» (21-е — поп) и «Roots» (40-е — поп) довольно быстро стали «золотыми» и помогли К. М. освоиться на «рынке» исполнителей-одиночек. Но успех этих дисков даже невозможно сравнить с настоящим триумфом музыкального сотрудничества с одному из самых массовых фильмов десятилетия «Superfly» — К. М. удалось каким-то удивительным образом смешать гармонию latinoамериканской музыки с ритмами, предвосхищавшими эру диско. Всего за неделю диск разошелся в двух миллионах экземпляров, возглавил хит-парад США, а две композиции с него были выпущены отдельными синглами, «Superfly» (5-е — ритм-энд-блюз, 8-е — поп) и «Freddie's Dead» (2-е — ритм-энд-блюз, 4-е — поп). После этого К. М. уже не покидает кинематограф (среди его самых заметных работ в этой области можно отнести фонограмму к фильму «Claudine»), продолжая одновременно работать в традиционном для себя жанре ритм-энд-блюза. В 1974 г. он написал песню «On And On», которая в исполнении группы «Gladys Knight And The Pips» стала амер. бестселлером. В 1975 г. он работал с группой «Staple Singers», в 1976-м продюсировал альб. Ареты Фрэнклин (в 1978 г. он также продюсировал ее альб. «Almighty Fire»). В 1977 г. К. М. написал сценарий и музыку к фильму «Short Eyes», где сам снялся в главной роли.

В 1981 г. К. М. подписал контракт с фирмой Boardwalk Records и выпустил великолепный альб. «Love Is The Place», две композиции с которого вошли в хит-парад синглов по категории ритм-энд-блюз — «Toot'n' Toot'n' Toot» (2-е место) и «She Don't Let Nobody (But Me)» (15-е место). В 1983 г. он вновь собрал «И.» и предпринял гастрольное турне по США, однако попытка записать совместный альбом успехом не увенчалась.

В настоящее время К. М. продолжает успешно совмещать деятельность главы фирмы грамзаписи, продюсера и композитора (хотя одна из его фирм прекратила существование), но все же его сольным работам последних лет недостает прежней легкости и динамики. И все же, несмотря на более чем умеренный успех альб., выпущенных в 80-е гг., К. М. продолжает оставаться одним из ведущих черных исполнителей ритм-энд-блюза и соула.

Пл.: Superfly, 1972; His Early Years With The Impressions, 1973 (сборник ранних вещей в составе группы «Impressions»); Sweet Exorcist, 1974; Roots, 1974; Curtis, 1974; Back To The World, 1974 (сборник); Curtis Mayfield In Chicago — Live, 1974 (Live LP); Move On Up, 1974; Got To Find A Way, 1974 (сборник); Curtis — Live, 1974 (Live LP); America Today, 1975; Give, Get, Take And Have, 1976; Never Say You Can't Survive, 1977; Short Eyes, 1977; Do It All Night, 1978; Heartbeat, 1979; Love Is The Place, 1981; Honesty, 1983; As My Folks Say — F**k It And Spit On The Top, 1985; Give And Let Give, 1985 (сборник); Stand By, 1987; Jungo Off!, 1990.

мом Америки. В «Битлз» бурлила лихая отвага британца-аутсайдера, жаждущего ухватить-таки все то, чего он до сих пор был лишен.

Подчистив раннюю битловскую неряшливость, Эпстайн-менеджер оставил в питомцах этот боевой дух; он твердо знал: страна не просто примет его, она проникнется им — и он был прав.

9 февраля 1964 года «Битлз» предстали перед 70 миллионами американских телезрителей (цифра рекордная по тем временам) в программе короля телешоу Эда Салливана. И это было историческое событие. Оно навело мосты между странами и стилями, оно же создало новые границы — между эпохами и поколениями.

Возникает вопрос: а если бы не было «Битлз»? Может быть, этот взрыв, эта музыкальная революция просто была неизбежна? Ведь были и другие группы, внесшие весомый вклад в становление новой поп-сцены, способные наполнить ее жизнью и смыслом, шумом и яростью. И все же только «Битлз» обладали уникальным даром, в сравнении с которым меркнут даже гениальность авторского дуэта Леннон — Маккартни, мудрость руководства Брайана Эпстайна и Джорджа Мартина, удивительная гибкость стилистической линии ансамбля. Речь идет о безупречном ощущении времени, удивительном умении включиться и, поймав свой момент в истории, идеально использовать весь энергетический потенциал. Способность эта и стала, как оказалось, главным двигателем всего их творчества. Праздник продолжался несколько лет — само присутствие великой четверки в этом мире, казалось, придавало жизни новый смысл. Пришествие «Битлз» изменило весь ход современной истории, и первым признал это сам Боб Дилан.

«Мне они страшно нравились, но некоторое время я молчал об этом, — скажет он позже своему биографу Энтони Скадуто. — Всем казалось, что это — детская забава и скоро ей придет конец, но я видел: они останутся надолго. Они указали направление, в котором должна развиваться музыка, будто линию прочертили — ничего подобного еще не случалось».

А что же сам Дилан? Он все острее чувствовал ограниченность своей аудитории, узость стилистических рамок жанра. И 25 июня 1965 года, появившись на сцене Ньюпортского фолк-фестиваля вместе с блюз-бэндом Пола Баттерфилда, Боб Дилан предложил своей старой пастве короткую программу совершенно новой, «электрической» музыки. Услышав гитарные завывания, фолк-пуристы взвыли в ответ; а новая музыка Дилана уже вливалась живительной струей в рок. «Битлз» и Дилан сотрясли все основания молодежной культуры, изменили звучание рока и направление его развития, открыли принципы, которые остаются основополагающими и

сегодня, четверть века спустя. Между тем они оказали и взаимное влияние друг на друга.

«Битлз» открыли новый стиль и нащупали связи с общественным сознанием — без них Дилан вряд ли написал бы «Перекасти-поле» и уж, конечно, не мог бы иметь с ним такого успеха. Но если «Битлз» нашли нового слушателя, то Дилан — что сказать этому слушателю: он заново открыл поэтический поп-язык и убедительно продемонстрировал, что старые рок-структуры способны вместить в себя любые темы, и песня, в сущности, может быть теперь о чем угодно: все зависит от ума и смелости ее автора. А вот без этого открытия и не было бы, наверное, битловских шедевров — «Человека ниоткуда», «Элинора Ригби», «Земляничных полей» или «Одного дня из жизни».

Дилан повлиял на «Битлз» и в другом отношении: считается, что именно он в ходе своего британского турне 1964 года впервые познакомил ливерпульскую четверку с наркотиками. Следует заметить, что, хотя в середине 60-х наркотики начали связывать исключительно с рок-сценой, не гнушались ими многие исполнители джаза, блюза и — скажем уж всю правду — кантри-энд-вестерна.

Так или иначе, но в 60-х наркотики вышли из хиппового подполья и стали определять эстетику поэтических образов, хлынувших напрямик из заповедного мира. «Кайф» становился средством постижения неких глубоких «истин», давал ключ к якобы зашифрованным в песнях «посланиям», физически сближал слушателя с почти уже осязаемым звуком, выводя сознание из границ «привычного» мира. Музыка, политика и теперь наркотики показались многим окнами в новую лучшую жизнь.

Дилан, кроме того, политизировал «Битлз»: именно он заставил их увидеть в популярности повод для уточнения гражданских позиций, а также идеальную возможность обнародовать собственное мнение о событиях, которые волнуют всех. Одним словом, своеобразная эта связка, Дилан — «Битлз», стала движущей силой рока 60-х. И все-таки даже она не исчерпывала собой весь размах молодежного движения.

Одно из самых мощных и полнокровных музыкальных течений того времени прорвалось из шлюзов детройтской фирмы «Мотаун»: эта гигантская фабрика «черной» музыки уже к 1965 году — усилиями Смоуки Робинсона и «Сьюпризм», Марвина Гэя и «Фор топс», Стиви Уандера, «Темптейшнз» и многих других — выпустила в «десятку» по меньшей мере двадцать тяжелых хит-«снарядов».

Навстречу им из Мемфиса выплеснулся поток резкого, «грязного» соула. Десятилетие двигалось к своей кульминации, нарастал накал расовых столкновений, и музыка соула — вместе с такими гигантами джаза, как Майлз

Дэвис, Джон Колтрейн, Чарльз Мингус или Эрик Дольфи, — вышла в авангард этой борьбы; гордая мощь негритянского самосознания воплотилась в ней в полной мере. Черная поп-музыка сделала такие заявления о расовом освобождении, о которых еще лет десять назад страшно было и подумать. Но, может быть, главной победой того времени стало слияние двух культур: белой и черной. Это был яркий и праздничный, слегка сумасбродный союз, для которого, казалось, не осталось ничего невозможного. В новой музыке воплотилась мечта о единении и равенстве, гармонии и терпимости.

Вскоре, однако, новые идеалы оказались в опасности. В 1965 году, триумфально завершив самую миролюбивую избирательную кампанию в американской истории, президент Линдон Б. Джонсон вторгся во Вьетнам; стало ясно, что именно молодежи предстоит кровью оплатить эту авантюру. Совсем еще недавно рок 60-х вливал в молодые жилы ощущение новой силы, и вот грозное предупреждение: не спешите радоваться, любимое правительство и дорогие родители готовы по собственной воле сложить ваши юные жизни на алтарь каких-то своих застарелых страхов. И рок, отразивший всю противоречивость юношеского сознания, перешел в оппозицию враждебным силам. Но музыка начала быстро терять невинность.

«Битлз» не смогли сразу отказаться от искристого звукового фонтана, но в песни их стало прокрадываться беспокойство. Будто что-то оборвалось внутри: Леннон запел об отчуждении и грозных предчувствиях, Маккартни — о мимолетности любви. Их музыка стала наполняться неведомыми экзотическими звучаниями. И вот наконец группа, страшно уставшая от гастрольно-студийной гонки и скандалов (последний из них был связан с произвольно истолкованным заявлением Леннона о том, что «Битлз» стали популярнее самого Иисуса Христа), промчалась в последний раз по США и объявила об окончательном прекращении концертной деятельности.

Несчастье обрушилось на Боба Дилана: в июле 1966 года он попал в дорожную катастрофу и на целый год был выключен из творческого процесса.

Беды рок-н-ролла на этом не кончились: в 1967 году в Лондоне за хранение наркотиков были арестованы Мик Джеггер, Кейт Ричардс и Брайан Джонс: британская пресса и местное правосудие поспешили облить «Роллинг стоунз» грязью. «Я не приемлю вашей убогой морали», — храбро (или глупо?) заявил Ричардс присяжным.

Но зато в сан-францисском районе Хейт-Эшбери начало оживать нечто утопическое: здесь, на фундаменте религиозной эклектики, вырастала своеобразная рок-коммуна. Расцветавшую идею Всеобщей Любви провоз-

гласили миру, опять-таки «Битлз», после почти годового молчания выпустившие «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера». Психоделическую и авангардную эстетику, которой был проникнут альбом, изобрели, разумеется, не они — они лишь выделили в чистом виде квинтэссенцию всего, к чему стремились другие, а в результате — вновь безошибочно выразили овладевшее молодым миром стремление к независимости, к собственным ценностям и идеалам. «Сержант Пеппер» определил суть новой музыкальной эры, он доказал, что рок стал искусством, а искусство, в свою очередь, — основной формой общения масс; он наконец внедрил в бунтующий, беспокойный рок мечту о любви и духовном единстве. «На какое-то время, — писал об эпохе «Сержанта» критик Лэнгдон Уиннер, — неизлечимо раздробленное западное сознание соединилось — во всяком случае, в умах молодых».

Но рок не в силах был удержаться на этой высшей своей точке. К моменту, когда идеи «Битлз» выплеснулись на улицы, Хейт-Эшбери уже превратился в гигантский притон, в котором правили бродяги, воры и лжепророки да кокаин с героином. В обществе назревало противодействие рок-культуре: основной идеей успешной кампании Рональда Рейгана за пост губернатора Калифорнии была четко выраженная неприязнь к новому поколению. Наступило время газетной паники и возрастной дискриминации.

А через несколько месяцев началась поп-контрреволюция, и возглавил ее не кто иной, как... Боб Дилан. Строго говоря, именно он, провозгласив в свое время полную свободу обращения с музыкальной формой, сделал возможной психоделию. Однако, по мере того, как произведения «пепперовского» типа достигали штата Нью-Йорк, где выздоравливал Дилан, оттуда стали доноситься тревожные слухи: стилистическая вычурность новой музыки, ее пустая риторика, переходящая в наркотический бред, весьма раздражают метра. А может быть, он испугался, что отстает от стремительного развития рока?

В январе 1968 года Дилан выпустил «Джон Уэсли Хардинг» — альбом, вроде бы все еще исследующий здоровье нации, распадающейся изнутри (все лучшие его вещи и были, наверное, реквиемом по Америке, ее неиспользованным возможностям), но уже совершенно лишенный красок и вызывающе-дерзкий в своей акустической простоте. На фоне этого строгого рок-полотна тогдашние «Битлз» («Волшебное таинственное путешествие»), «Роллинг стоунз» («Их Сатанинские величества повелевают») в купе со всей современной им музыкой казались неприлично фривольными, если не сказать — безответственными.

«Джон Уэсли Хардинг» привел к полному пересмотру рок-н-рольных ценностей. Вновь вспыхнул интерес к блюзовым гитаристам, в хит-парадах зазвучали госпелз, получили признание группы акустического звучания, как-то по-новому стали относиться даже к исполнителям кантри-энд-вестерна. Последнее обстоятельство особенно озадачило критиков, когда через год Дилан в своем новом, чистом и красивом кантри-альбоме «Нэшвилльские небеса» спел одну из песен дуэтом... с кантри-звездой Джонни Кэшем. Тогда считалось, что кантри — музыка рабочего-обывателя и тех недалеких «патриотов», что поддержали вьетнамскую войну. Означало ли это измену Дилана прежним политическим убеждениям? Или он попросту утратил веру в политические решения?

Ответ, по-видимому, был проще: певец всего лишь искал альтернативу рок-агрессивности, отвлеченной от новой молодежной культуры массы простых американцев. Он утверждал: есть еще за что любить Америку и ее народ, несмотря на все их грехи; а кроме того, — как может юное поколение всерьез рассчитывать на победу, восстанавливая против себя рабочий и средний классы?

Разумеется, далеко не все рок-группы того времени разделяли этот взгляд. Но, даже независимо от собственного желания, они обнажили ряд неприятных истин: наркотики не только «просветляют», с тем же успехом они служат и помрачению человеческого разума; кровопролитие же в анархическом — то есть, по их мнению, истинно свободном обществе — столь же реальная перспектива, как равенство, братство и вечный мир. Значимость этих групп — «Велвет андерграунд», «Дорз», «Студжиз», — первыми осознавших опасность и сообщивших о ней, подтверждается удивительно стойким интересом к их неумиряющему музыкальному наследию.

Да, в конце 60-х рок преисполнился страхами и сомнениями; никому, наверное, чувства эти не удалось выразить с такой силой и талантом, как «Роллинг стоунз». На протяжении всей своей истории «Роллинги» буянили, чихать хотели как на сторонников, так и на противников, и возбуждали искреннюю ненависть родителей и чиновников. Но пришло время, и «Стоунз» открыто заинтересовались проблемами порока и насилия, пытались доказать себе и слушателю важную мысль: все несут ответственность за все, что творится вокруг. Но сам рок в целом — он распадался.

Записав еще несколько прекрасных вещей, «Битлз» предстали перед миром всего лишь кучкой надоевших, не доверяющих друг другу людей. Крах этого мифа ознаменовал гибель надежды на всеобщее единство. Дилан окончательно отошел в сторону и стал улаживать обыватель-

Ровесник 7'91

ский слух... Триумф «Роллинг стоунз» был омрачен трагедией в Алтамонте. Мечте, как заявил вскоре один из самых честных голосов в рок-н-ролле, пришел конец.

Вся эта череда распадов, неудач и несчастий — перечеркивает ли она значение рока 60-х, его духовную миссию? Вряд ли. Десятилетие ознаменовалось и славными победами.

Во-первых, рок вырос в самостоятельный вид искусства, выработал удивительно гибкие формы, обогатился собственными историей и традициями, стал расширять границы, впитывая все новые и новые влияния. И в сегодняшнем слиянии африканской, карибской, бразильской культур с привычным англо-американским поп-звучанием мы наблюдаем всего лишь возрождение явления, стартовавшего в 60-х.

Во-вторых, рок доказал, что способен не только на разрушение: не раз огромные массы людей объединялись под его эгидой ради высоких целей. Кстати, сегодня, когда разнообразные лидеры склонны записать в свой актив демократические перемены в разных точках земного шара, не мешает еще раз отдать должное десятилетию революционных идей, рождавшихся при непосредственном участии рок-н-ролла.

Музыка 60-х не только подтвердила склонность к мятежным импульсам, достойно возрожденным в панк-роке 70-х и до сих пор звучащим в творчестве лучших (впрочем, и худших тоже) рэпперов и металлистов. Она поставила себя в один ряд с остальными видами искусства, доказав, что по экспрессивности и глубине нисколько не уступает сегодняшним кинематографу или литературе.

Что ж, музыка 60-х не спасла мир и, может быть, даже недостаточно его изменила; однако она вступила в борьбу за правое дело, борьбу, которая еще далека до завершения. В какой-то момент той стремительно пролетевшей эпохи рок-н-ролл набрался смелости, чтобы заявить: все мы предоставлены сами себе и нет у нас «пути домой». Все более или менее стоящее, что появлялось в нем с тех пор, либо пыталось опровергнуть эту истину, либо, подтверждая ее, открывало в нашем сознании все новые, все более удивительные горизонты.

Перевел с английского
В. ПОЛЯКОВ

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

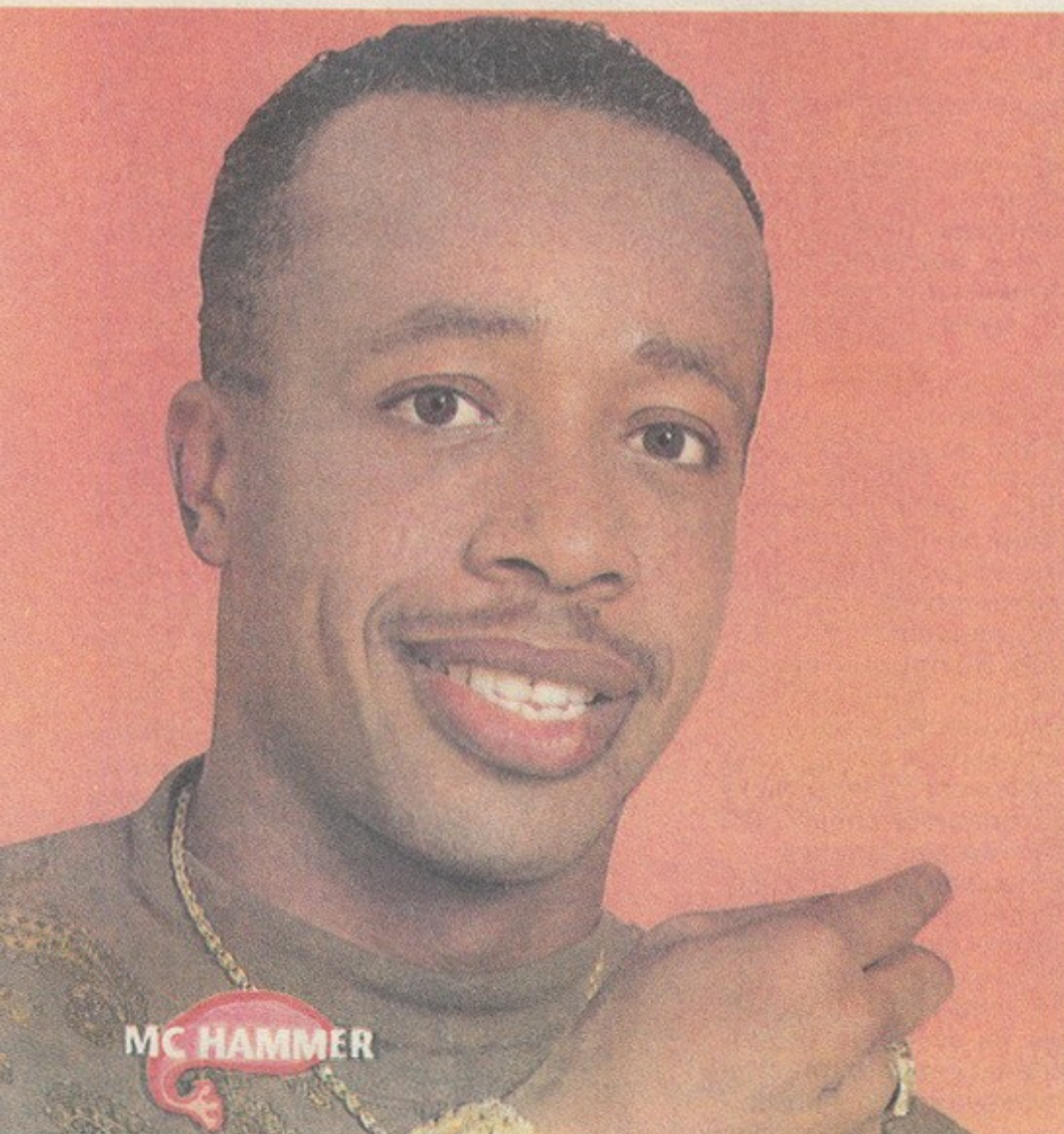

КОГДА-ТО В САЛУНАХ ДИКОГО ЗАПАДА висели таблички «В пианиста не стрелять — играет, как может». Похоже, в наши дни журналистам всего мира стоит носить на шее аналогичный призыв — «В репортера не стрелять — пишет, что видит»: число жертв среди журналистов, по долгу службы обязанных бывать в самых «горячих точках» планеты, неуклонно растет. А потому знаменитый американский журналист Хантер Томпсон решил прилюдно «казнить» свой рабочий инструмент. Произошло это после того, как обитатели лыжного курорта Аспен забаллотировали Томпсона во время выборов шерифа — Томпсон прославился разоблачительными материалами о жизни «сильных мира сего», а «сильные мира сего» очень любят аспенский снежок...

ДВЕСТИ ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ ВОЛЬФГАНГА АМАДЕЯ МОЦАРТА — не только повод для организации концертов и фестивалей его памяти. Это отличный повод подзаработать — и отнюдь не музыкантам, которые традиционно, со времен Моцарта, не избалованы сверхдоходами.

Сувенирная индустрия Австрии развернулась вовсю, что вполне естественно. Однако и сами австрийцы сомневаются, что потребитель, выпив ликерчика «Моцарт», закусив его моцартовским печеньем и загасив приятную сигаретку в пепельнице с «моцартовскими мотивами», непременно прильнет к божественным мелодиям...

MC HAMMER

ТВ показало — читатель спрашивает

НЕСКОЛЬКО ФАКТОВ ИЗ ЖИЗНИ ЭМ СИ ХЭММЕРА. Настоящее имя: Стэнли Кирк Баррелл (псевдоним взят в честь знаменитого бейсболиста Хэнка «Хэммера» Аарона). 27 лет, родился в Калифорнии, где и живет с женой и двухлетней дочерью. Окончил колледж, отслужил в военно-морских силах США, и лишь после этого занялся музыкой. Продав рекордное среди исполнителей рэпа количество своих пластинок и считается «Заслуженным рэпером Америки». Создал специальный фонд помощи нуждающимся детям, а также фонд «Поможем детям закончить школу!». «Чтобы стать хорошим исполнителем рэпа, надо не только хорошо танцевать и обладать музыкальными способностями — надо хорошо учиться, — заявляет Эм Си Хэммер. — Потому что главное в рэпе — это поэтический дар, а его необходимо развивать». Любимый автор Эм Си Хэммера — Уильям Шекспир.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

МЫ ИЗУЧАЕМ — НАС ИЗУЧАЮТ, и часто животные преподносят нам уроки, которых мы, люди, и заслуживаем. Владельцы домашних животных знают, что собаки, например, не выносят семейных ссор, коты мстят за свое поправное кошачье достоинство, а попугаи с явно выраженным ехидством заучивают не самые удачные наши выражения. Что же касается этих двух «братьев меньших» — арктической крачки и морской коровы, — то они явно не доверяют старшим братьям и сестрам и не прочь проверить, что эти двуногие думают по их поводу? Недоверие вполне оправданное...

ТАНЦУЮЩИЕ «БЫЧКИ». Танцовщик по имени Амар никогда в жизни не встречался с великим баскетболистом Майклом Джорданом, но именно Амар реализовал мечту каждого болельщика, когда надел форму баскетбольной команды «Chicago Bulls» («Быки из Чикаго») и... станцевал звезду НБА в постановке «Дань Майклу Джордану». Готовясь к роли, Амар тщательно изучил в видеозаписи поистине балетную пластику Джордана, а затем воплотил ее на сцене под музыку Баха и стук баскетбольных мячей.

«ЗАКОН И ПОРЯДОК, который соблюдают все члены общества — от малых до великих, — вот что отличает государство правовое от неправового», — приблизительно так мог бы выразиться житель канадского города Торонто, если бы уже научился толково излагать свои соображения. А соображения Джейсона Ноганша были что ни на есть самого практического толка: дешевле оплатить стоянку транспортного средства, чем платить штраф, который в правовом государстве составляет 10 долларов. Интересно, станут ли соблюдать закон и порядок члены нашего общества — от малых до великих, — когда рубль станет конвертируемым?

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

Кармело был совсем маленьким, когда врачи обнаружили у него неизлечимую болезнь. Шли годы, и к этой болезни мальчика, сына переселенцев из Пуэрто-Рико, добавлялись новые. Операции следовали одна за другой, но улучшения не наступало. После того как Кармело остался без родителей, его поместили в детскую клинику Колумбийского медицинского центра в Нью-Йорке.

Там ему исполнилось 14 лет, а выглядел он пятилетним ребенком. Слаб он был настолько, что с трудом открывал глаза. Как-то медсестра сказала с жалостью: «Только чудо может спасти его».

Чудо появилось однажды утром. Дверь в палату медленно приоткрылась, и показалась лохматая голова клоуна с красным картонным носом, с белыми нарисованными губами и черной бородой. «Привет! — сказал клоун. — Я — доктор Кульпякин, разрешите войти?»

«Уходи отсюда! — отмахнулся Кармело. — Я сказал — уходи!» Но клоун не ушел. Он приходил снова и снова, и мальчик начал улыбаться шуткам и фокусам смешного человечка. Постепенно исчезала озлобленность, за которой Кармело пытался скрыть свою боль и одиночество.

В девяти клиниках Нью-Йорка работает группа клоунов-целителей из цирка «Биг Эппл», состоящая из 25 артистов, 12 из которых — женщины. Каждый из них сам придумал себе имя: «Доктор Блин», «доктор Жираф», «доктор Мусорщик». Три раза в неделю работают они за небольшой гонорар, выплачиваемый из пожертвований.

«Само небо послало нам клоунов, — сказал главный врач одной из детских больниц. — До того, как они появились у нас, нам и в голову не приходило, что тяжелобольным детям хочется развлечения. А оказалось, что клоуны

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

помогают лечить тогда, когда бессильны педагоги и психологи».

Почти 800 маленьких пациентов ждут каждую неделю появления клоунов. Среди них дети, больные лейкемией, СПИДом, дети, страдающие от сердечных заболеваний и сильных ожогов. Есть там и такие, которым никогда не суждено выйти из клиники. Поэтому самое главное правило клоунов — радовать детей.

«Мы приходим к ним не потому, что можем вылечить их, — говорит доктор Кульпякин, чье настоящее имя Майкл Кристиансен. — Мы приходим, чтобы поднять им настроение, подкрепить их силы, подарить им нашу любовь и заставить хоть немножко улыбаться».

Майкл, основавший клоунскую группу, сам родился в неблагополучной семье и вырос с чувством, что «жить не стоит». После смерти своего брата он понял, что в горе можно обрести душевное равновесие, если помогаешь дру-

гим. К тому времени он уже работал цирковым клоуном. Попав как-то случайно в больницу, он сразу понял, что и как он может сделать. Теперь он сам и все, кто начал работать вместе с ним, уже не представляют себе жизнь без этого.

«Иногда в конце дня меня от усталости бьет дрожь, но мою почти бесплатную работу для детей я не променял бы и на мешок с бриллиантами. Нигде и никогда еще я не чувствовал себя таким нужным другим», — рассказывает Дэнни Лорд, он же доктор Блин.

Раз в месяц клоуны-целители собираются все вместе на неофициальную встречу для «групповой терапии», как ее называет Майкл Кристиансен. «Нам просто необходимо встретиться, пообщаться, поддержать друг друга и стряхнуть с себя все боли и страхи, которые наряду с радостью и удовлетворением приносит нам наша работа».

Дэнни вспоминает случай с одиннадцатилетним мальчиком, который из-за шалости друзей получил страшные ожоги. Во время очень сложной операции, чтобы как-то отвлечь его, доктор Блин без устали рассказывал ему всякие смешные истории, обещал повести его в цирк, показывал забавные фокусы. Сначала в глазах мальчика появилось удивление, а затем на лице показалась слабая улыбка. «Это невероятно, ведь жизнь была на волоске, а он улыбнулся».

Кэролайн Саймонд, доктор Жираф, рассказала свою историю: девочка на операционном столе кричала от страха так, что врачи не могли с ней ничего поделать. Тогда Кэролайн взяла свою флейту и заиграла песню «Над радугой», а врачи тихонько подпевали ей до тех пор, пока девочка не уснула.

Самые горькие моменты переживают клоуны тогда, когда кто-то из детей умирает. «Мы работаем для детей, которые борются, цепляются за жизнь. И никуда от этого не денешься: мы привязываемся к ним и душой, и сердцем. И когда теряешь кого-нибудь из них, боже мой, какая это боль, как будто теряешь своего собственного ребенка», — печально говорит Дэнни Лорд.

И с Кармело клоунам пришлось проститься. За последнее время мальчик так отдохнул и окреп, что сам мог развлекать и потешать других детей. Раз в неделю его друг доктор Культяпкин гримировал его, усаживал в кресло и возил по больнице для выступлений перед детьми. «Я езжу как на работу и чувствую себя взрослым». За каждый концерт Кармело получал свой заработанный доллар и очень радовался этому. «Мне нравится зарабатывать деньги. Когда ложусь спать, я кладу доллар в носок, а носок — под подушку».

Но болезнь оказалась сильнее, чем проснувшееся в Кармело желание жить. После операции на сердце, вскоре после того, как фотограф сделал последний в жизни мальчика снимок, Кармело не стало...

Перевела с немецкого
С. КАВТАРАДЗЕ

Клиффорд САЙМАК,
американский писатель

ДЕНЬ ПЕРЕМИРИЯ

Фантастический рассказ

Все тихо. Никаких признаков панков. Над голой, истерзанной землей повисла гнетущая тишина.

Слишком уж спокойно, подумал Макс Хейл.

Макс стоял на плоской крыше укрепленной усадьбы — цитадели — Кроуфорда и следил за дорогами, ведущими к северу и западу. Мистер Кроуфорд может выбрать любую — он никогда не возвращался одним и тем же маршрутом. Только так можно избежать засады. Правда, сейчас засады стали куда реже — деревьев и кустарников почти не осталось. Требовалась немалая изобретательность, чтобы организовать засаду на такой голой местности. Однако, напомнил себе Макс, уж в чем в чем, а в отсутствии изобретательности панков трудно обвинить. Через пятнадцать минут спустятся сумерки, а с наступлением темноты окрестности Оук-Мэнор становились опасными. Впрочем, теперь опасны все пригороды.

Макс снова поднес к глазам бинокль и внимательно осмотрел округу. Ничего — ни патрулей, ни затаившихся одиночек. Хотя где-то скрывались наблюдатели, в этом он не сомневался. Панки постоянно следили за усадьбой Кроуфорда, надеясь, что когда-нибудь бдительность ее защитников ослабнет.

Макс оглядывал улицу за улицей: выбитые окна, осыпавшаяся штукатурка, разрисованные стены. И высохшие деревья с обломанными ветвями. Пожелтевшие, давно мертвые, они торчали посреди пыльных дворов — дворов, с которых исчезла трава, а ведь когда-то здесь были лужайки.

На вершине холма виднелись развалины усадьбы Томпсона, павшей пять лет назад. От дома не осталось ничего. Он был стерт с лица земли, уничтожен — камень за камнем, доска за доской. Лишь скелеты деревьев да искореженные металлические опоры напоминали, где проходила укрепленная ограда.

Теперь в Оук-Мэнор осталась только цитадель Кроуфорда. Макс думал об этом с гордостью. Она выстояла, выстояла благодаря ему, и он будет защищать усадьбу до конца.

Это был последний оазис в голой пустыне, с деревьями и травой, летними беседками и солнечными часами поразительной красоты.

— Макс, — раздалось из портативной радиации.

— Слушаю, мистер Кроуфорд.

— Где вы, Макс?

— На посту, на крыше.

— Я проеду по Сеймур-драйв, — донесся металлический голос мистера Кроуфорда. — Сейчас я примерно в миле от дома, за холмом. Подъеду, не сбавляя скорости.

— Поблизости никого нет, сэр.

— Отлично. Вовремя откройте ворота, Макс.

Макс взял пульт дистанционного управления.

Автомобиль вырвался из-за холма, промчался по Сеймур-драйв и с ревом полетел к воротам. Когда он был всего метрах в трех, Макс нажал кнопку, открывшую электронный замок. Автомобиль проскочил во двор. И тут же сработали мощные пружины. Ворота захлопнулись.

Макс повесил пульт управления на плечо и пошел вниз.

Кроуфорд уже поставил машину в гараж.

— Действительно, все тихо, — заметил он. — Гораздо спокойнее, чем обычно.

— Это-то мне и не нравится, сэр. Они что-то затевают.

— Вряд ли, — пожал плечами мистер Кроуфорд. — Накануне Дня Перемирия?

— От этих паршивцев можно ждать чего угодно.

— Верно, — кивнул мистер Кроуфорд, — но завтра они соберутся, чтобы повеселиться. В конце концов мы их соседи, и нехорошо нарушать традиции. Мне бы не хотелось, чтобы ваше усердие вышло за рамки дозволенного.

— Вы же знаете, сэр, — запротестовал Макс, — я никогда не пойду на это. Я боец, сэр, но воюю честно.

— Я просто вспомнил о том, что вы затевали в прошлом году, — мистер Кроуфорд взглянул на Макса.

— Но ведь это не причинило бы им никакого вреда! Они бы даже ничего не заподозрили. Капля-другая во

фруктовый пунш — и все. Они бы просто стали чуть спокойнее.

— Все равно, так поступать не следует, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Хорошо, что я узнал об этом вовремя. И мне не хочется, чтобы на этот раз случилось что-нибудь подобное. Надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, сэр!

Какая глупость — День Перемирия, подумал Макс. Пережиток далекого прошлого, когда кому-то из либералов пришла в голову мысль, что жителям усадеб хорошо бы встретиться с панками в мирной обстановке.

Так теперь и бывает — но лишь один день в году. В течение двадцати четырех часов нет ни засад, ни горящих стрел, ни брошенных через высокие заборы гранат. Но сразу же после полуночи вражда вспыхивает вновь.

Вражда длилась уже много лет. Макс отлично понимал, каким будет исход. Наступит день, и усадьба Кроуфорда тоже падет, как пали все остальные. Но Макс дал себе слово, что будет бороться до последнего.

Как всегда, Макс проверил пульт управления и захлопнул стальные ставни: освещенные окна представляли в ночи слишком хорошую цель. Потом натянул резиновые перчатки и при свете фонарика осмотрел замок. Ворота заперты. Еще не было случая, чтобы электронный замок не сработал. Тем не менее полностью исключить такую возможность нельзя, поэтому Макс всегда проверял ворота.

Не снимая перчаток, потрогал забор. Два с половиной метра высотой, наверху несколько рядов колючей проволоки, по которой струился электрический ток высокого напряжения. За первым, основным забором, стоял второй, в который тоже можно было подать ток, если основной забор рухнет.

Сзади послышалось чье-то сопение.

— Здорово, приятель, — сказал Макс, обернувшись.

Собака зафыркала от удовольствия и прижалась к его ногам. Макс присел, обнял огромную голову. Собака облила ему лицо.

— А где остальные? — спросил Макс и почувствовал, что могучее тело дрожит от радости.

Отличные псы, подумал он. Живущих в доме они обожают, но посторонних ненавидят смертельно. Так их воспитали.

Макс знал, что остальная стая бродит по двору, прислушиваясь к малейшему шороху. Любого, сумевшего чудом перемахнуть через забор, псы разорвут в клочья.

— Пошли, парень, — сказал он.

Макс осторожно двинулся по двору. Двор был спроектирован таким образом, что брошенная сюда граната или бутылка с зажигательной жидкостью неминуемо скатывалась в одну из ловушек. А стены дома недавно покрыли огнеупорным составом, так что панки перестали метать горящие стрелы.

Листья на ветвях тихо шелестели. Макс поглядел вверх, на их темные очертания на фоне более светлого неба.

Как они красивы, подумал Макс. Жаль, что деревьев почти не осталось. Это место называлось Оук-Мэнор — Дубовая роща, потому что когда-то здесь росли величественные исполины. А теперь Макс стоял у последнего из них.

Макс смотрел на старый дуб с благоговением и страхом. Да, дуб следовало бы убрать, потому что он склонялся в сторону забора и при сильном ветре мог рухнуть прямо на провода. Несколько раз Макс порывался поговорить об этом с мистером Кроуфордом, но он знал, что хозяин усадьбы любит старого великана. Да и сам Макс был неравнодушен к дубу.

Осторожно ступая, Макс прошел во внутренний дворик. Наклонившись, провел ладонью по шершавой поверхности солнечных часов. Им было много сотен лет, и их привезли из-за океана, и мистер Кроуфорд видел в них что-то особое.

Возможно, солнечные часы были для него символом давно ушедших дней, когда каждый человек имел право на сад и траву возле своего дома, и их не нужно было защищать, когда человек мог гордиться домом и тем, что его окружало.

Все начиналось как-то незаметно. Дети играли, носились по лужайкам, а бегающие за ними своры счастливых псов ломали кусты. У каждого мальчика должна быть своя собака, говорили родители.

Люди из шумных перенаселенных городов перебирались в пригороды, чтобы жить, как любили говорить они, на лоне природы. Здесь каждая семья сможет завести себе собаку, а дети будут играть на свежем воздухе под лучами солнца.

И правда, здесь было где побегать, поэтому дети бегали. Ничего другого им не оставалось. Они носились сломя голову по улицам, лужайкам и дорожкам, разоряя все, что попадалось на пути. Прошло время, ребяташки выросли, но никаких других развлечений взрослые предложить не могли. Им оставалось лишь одно — бегать. Матери каждое утро собирались пить кофе и сплетничать, отцы каждый вечер сидели во дворе и пили пиво. Дома были заложены, и нужно было выплачивать проценты, налоги росли, и на все это требовались деньги.

И вот, в поисках выхода для своей энергии и вымещая обиду за то, что у них ничего нет, повзрослевшие ребяташки начали искать новых приключений. Они резали бельевые веревки во дворах, рубили на куски садовые шланги, разрисовывали стены и штукетник.

Раздраженные домовладельцы начали возводить заборы, и это было истолковано как оскорбление и вызов.

Тот первый забор, воздвигнутый

много лет назад, был прародителем трехметрового электрифицированного ограждения цитадели Кроуфорда, а маленькие вандалы, с восторженными криками бившие окна, были предками панков.

Макс двинулся к забору — мимо пруда с лилиями и золотыми рыбками, мимо плещущих струй фонтана, мимо склонившихся над ними плакучих ив.

— Пст! — донеслось с той стороны.

— Это ты, Билли?

— Да, — ответил Билли Уорнер.

— Есть какие-нибудь новости?

— Завтра День Перемирия, и мы придем в гости...

— Это я знаю, — ответил Макс.

— Они пронесут мину с часовым механизмом.

— Но как? — спросил Макс. — Полицейские при входе обыскивают каждого.

— Мину разберут на части. Стоуни Стаффорд подобрал группу, они тренировались несколько недель. Они могут собрать мину даже в темноте, на ощупь. А потом подложат под солнечные часы.

— Спасибо. Это был бы огромный удар для мистера Кроуфорда.

— Мне кажется, я заработал двадцатку.

— Да, — согласился Макс. — Двадцатку ты заработал.

— Только если узнают, что я проболтался, меня убьют.

— Не узнают, — ответил Макс. — От меня не узнают.

К воротам подкатил полицейский автомобиль.

— Ты, Чарли? — окликнул Макс.

— Я, — отозвался Чарли Поллард. — Все тихо?

— Как всегда.

— Проезжал мимо и решил заглянуть, — сказал Поллард. — Мы еще раз заедем, посмотрим, нет ли у тебя чего-нибудь запрещенного. Мне кажется, у тебя солидный запас.

— Только для обороны. Таков закон.

— Да, таков закон, — согласился Поллард. — Но иногда ты проявляешь чрезмерное рвение. К примеру, у тебя в заборе электрический ток — три тысячи вольт. Что если какой-нибудь малыш схватится за провод?

— Малышу туда не дотянуться.

— И все-таки ты бываешь излишне жестоким.

— Я видел, что они сделали с усадьбой Томпсона пять лет назад. Они разнесли ее на части, — сказал Макс. — По кирпичу, по бревнышку. Потом порубили все деревья. Вырвали с корнем кусты. Перерыли клумбы. После них осталась пустыня. И я не позволю, чтобы такое случилось с домом мистера Кроуфорда. Человек имеет право вырастить дерево и посеять траву. Если ему хочется разбить клумбу, он имеет право и на это. Я знаю, тебе это покажется странным, но он даже имеет право не пускать к себе в дом посторонних.

— Да, — согласился полицейский, — все это верно. Но ведь они почти что дети. Они твои соседи. Если бы и ты, и они проявили добрую волю, все было бы в порядке.

— Мы не можем себе этого позволить, — сказал Макс. — Добрососедские отношения были нарушены давным-давно, когда ребяташки начали ходить по соседской лужайке к школьному автобусу, а хозяин не решился возразить. Они были нарушены тогда, когда сосед попросил на часок газонокосилку и забыл вернуть, а когда ты зашел за ней, оказалось, что она сломана. Но сосед притворился, что ничего об этом не знал, и ради сохранения добрососедских отношений ты не осмелился потребовать, чтобы он заплатил за ремонт.

— Может быть, и так, — сказал Поллард, — но сейчас события зашли слишком далеко.

— Есть простой выход, — заметил Макс. — Пусть панки оставят нас в покое, и мы тут же уберем забор.

Поллард покачал головой.

— Слишком поздно. Ничего нельзя сделать. Кстати, завтра — День Перемирия. Я с двумя полицейскими приеду рано утром.

Макс направился к дому. Нора приготовила ему ужин. Макс тяжело опустился на стул. Он уставал все больше и больше. Раньше он был помоложе, и жизнь казалась куда проще.

— Что-то ты поздно сегодня, — заметила Нора, ставя перед ним тарелку. — Все в порядке?

— Пожалуй. Все тихо. Но завтра могут быть неприятности. Они принесут с собой мину.

— Мину! — воскликнула Нора. — Нужно сообщить полиции.

— Нет, это бессмысленно. Полицейские заявят, что мы сами спровоцировали панков. К тому же я не могу выдать парня, сообщившего мне об этом. Хорошо, что я хоть знаю о mine.

Нора налила ему кофе и села напротив.

— Ты знаешь, Макс, мне иногда становится страшно, — сказала она. — Не понимаю, почему Кроуфорды так цепляются за свою усадьбу. Они могли бы переехать в город. Там куда безопаснее. Конечно, и в городе орудуют банды, но они в основном воюют между собой.

— Гордость, Нора, — ответил Макс. — Они не хотят сдаваться. Это сильные и гордые люди.

Нора вздохнула.

— Пожалуй, ты прав. Но все равно жаль.

Макс спустился в подвал и сел перед коротковолновым передатчиком. Одну за другой он вызывал усадьбы, еще оставшиеся в округе. У них тоже все было тихо.

Макс снял наушники и откинулся на спинку стула. Он думал о mine и о том, что завтра ее подложат под солнечные

часы. Здесь что-то не так, но что? Откуда панки могли узнать, что солнечные часы так дороги мистеру Кроуфорду? Каким образом это стало им известно?

Ответ прост: они об этом не знают. Да даже если бы и знали, разрушение солнечных часов — мелочь. Мину можно использовать с гораздо большим эффектом. Стоуни Стаффорд, босс панков, далеко не дурак. Он походил на хоряка — хитрого и злобного. Нет, он не станет взрывать солнечные часы.

И вдруг Макс понял, куда бы он подложил мину, будь он на месте Стаффорда.

Под корни древнего дуба, склонившегося в сторону забора.

Значит, Билли обманул его? Вполне возможно, что нет. Скорее Стаффорд заподозрил, что среди его людей есть осведомитель, и пустил дезинформацию.

Полицейские приехали в восемь утра. Потом прибыли плотники и сколотили настил для танцев. Музыканты начали настраивать инструменты. Официанты из ресторана накрыли столы. В центре каждого стояла огромная чаша с пуншем.

После девяти стали подтягиваться панки со своими девушками. Полицейские обыскивали их при входе и не нашли ни дубинок, ни кастетов, ни велосипедных цепей.

Заиграл оркестр, начались танцы. Панки сидели на траве, болтали и смеялись. Молодежь веселилась, и все было хорошо.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал Макс Поллард. — Это самые обыкновенные ребята. Не надо только их дразнить. Конечно, некоторые из них без царя в голове, но это еще не значит, что они преступники.

Макс кивнул полицейскому и пошел в глубь двора. Ему так хотелось быть поближе к дубу, но он понимал, что это рискованно. Даже смотреть в сторону дуба было опасно, не то что подходить. Иначе они подложат мину в другое место.

Макс улегся на скамейку под цветущим миндальным деревом. День был теплым, и он задремал.

Он проснулся от того, что рядом кто-то стоял.

— Привет, Макс, — сказал Стоуни Стаффорд.

— А ты чего не танцуешь, Стоуни?

— Я ждал, когда ты проснешься, — ответил Стоуни. — Слишком уж крепко ты спишь. Я мог бы сломать тебе шею.

Макс сел и потер лицо.

— Только не в День Перемирия, Стоуни.

Стоуни презрительно плюнул на дорожку.

— Скоро, — пообещал он.

— Послушай, — сказал Макс, — не старайся, можешь надорваться. Поищи добычу полегче.

— Когда-нибудь наступит и наше время, — ответил Стоуни. — Кроуфордов и Нору мы и пальцем не тронем.

Но вот ты отсюда не уйдешь. Мы тебя прикончим.

— Похоже, я тебе не нравлюсь?

— Два моих парня погибли, — ответил Стоуни, — и несколько искалечено.

— Но ты же сам послал их через забор.

Макс поднял глаза и увидел ненависть во взгляде Стоуни Стаффорда, ненависть и торжество.

— Прощай, труп, — сказал Стоуни.

Он повернулся и пошел прочь.

Макс сидел на скамейке, вспоминая взгляд Стоуни. Значит, мина уже лежала под корнями старого дуба.

Поллард прав. Ситуация действительно вышла из-под контроля. Было время, когда полиция могла положить этому конец. Да и родители тоже могли повлиять, если бы обращали больше внимания на воспитание детей, проводили с ними больше времени, вместо того, чтобы предоставить их улице. Наконец, общество могло спасти положение, построив для молодежи залы, стадионы и места для развлечения.

Но никто не думал об этом. А теперь остановить вражду невозможно. И Макс знал, кто одержит в ней верх.

Наступил вечер, панки начали расходиться. Музыканты уложили инструменты и уехали. Официанты собрали посуду, скатерти и умчались в своем грузовике. Пришли плотники и забрали доски. Макс подошел к воротам и проверил замок.

Макс знал, что из-за забора следят за каждым его движением. Нужно подождать, пока совсем стемнеет. Лучше, если панки не поймут, что на самом деле произошло. Может, они решат, что не сработало взрывное устройство.

Стемнело. Больше медлить нельзя. Макс осторожно, прижимаясь к земле, подполз к дубу, разгреб листья и траву.

Мину он нашел быстро. Пальцы его коснулись холодного металла. Внезапно он замер, затем медленно и осторожно вытащил руку.

Мина действительно лежала под корнями дуба. Но прямо к ней была прикреплена еще одна, контактная мина. И если тронуть мину с часовым механизмом, сработает контактный взрыватель. Вот почему в глазах Стоуни было торжество.

Что же делать? Может, укрепить дуб тросами? Пожалуй, это единственный выход.

Макс отправился в подвал за тросами и инструментом. И вдруг, увидев рацию, он вспомнил.

Да-да, только нужно тщательно выбирать слова. Не исключено, что панки прослушивают его канал.

Джон Хеннесси, сторож цитадели Кёртиса, ответил сразу.

— Что-нибудь случилось, Макс?

— Ничего особенного, Джон. Я вспомнил, как ты однажды говорил мне о своих игрушках.

— Игрушках?

— Ну да. Гремучках.

Хеннесси на секунду умолк.

— А, эти. Да, они еще у меня, — отозвался он наконец.

— Сколько?

— Примерно сотня. Может, больше.

— Ты не мог бы дать их взаймы?

— Конечно. Тебе нужно прямо сейчас?

— Да. Правда, я немного занят.

— Я упакую их в ящики и приеду примерно через час.

— Спасибо, Джон.

Макс снял наушники и задумался. Сотня гремучих змей! Не слишком ли он рискует? Но ведь нельзя вечно сидеть и ждать нападения. А вот если ударить в ответ, да ударить так, что у панков навсегда пропадет охота... И никто не сможет придаться. Да, такой шанс упускать нельзя.

В углу подвала стояли несколько рулонов тяжелой металлической сетки. Он перенес рулоны и связку проволоки к дубу. Потом натянул проволоку, закрепил на ней верхний край сетки, а нижний прибил кольщиками к земле.

Раздался шум мотора. Макс отворил ворота, и Хеннесси въехал во двор.

— Что у тебя творится? — спросил он. — За забором все так и кишит панками.

— У меня неприятности, — ответил Макс.

Хеннесси открыл борт. Внутри стояли три больших ящика. Они подтащили их к металлической сетке, протянутой за дубом. Хеннесси сходил к грузовику и вернулся, волоча за собой длинный шест.

Просунув сквозь сетку шест, Хеннесси открыл крышки и перевернул ящики. Из темноты донеслось сухое шуршание.

— Сейчас расползутся по всей территории между забором и сеткой. Большинство очень крупные.

— Спасибо, Джон.

— Всегда рад помочь. Я бы остался, но...

— Не стоит, тебе нужно охранять свою усадьбу.

Закрыв ворота, Макс сходил в подвал и включил рубильник, подающий ток на запасной забор. Толпы панков, несомненно, захотят перебежать по рухнувшему дубу над забором. Может быть, им даже удастся прорваться.

Макс стоял у сетки, прислушиваясь к шуршанию сотни гремучих змей. Потом повернулся и пошел подальше от дуба, чтобы не попасть под ударную волну. Скоро истекнут последние секунды Дня Перемирия.

Перевел с английского
Андрей ПОЧИТАЛИН

Рисунок Лены Шурлаповой

ПОДРОСТОК

В этом номере мы предлагаем вам песню из репертуара Джанет Джексон «Я так по тебе тоскую». Текст и музыка Джеймса Харриса III и Терри Льюиса.

MISS YOU MUCH

Shot like an arrow through my heart
That's the pain I feel
I feel whenever
we're apart
Not to say
that I'm in love with you
But who's to say
that I'm not
I just know that it feels wrong
When I'm away too long
It makes my body hot
so let tell ya baby
I'll tell your mama
I'll tell your friends
I'll tell anyone
Whose heart can comprehend
Send it in a letter baby
Tell you on the phone
I'm not the kinda girl
Who like to be alone
I miss ya much
(boy oh I miss you much)
I really miss you much
(m-i-s-s you much)
I miss ya much
(boy oh I miss you much)
Baby I really miss you much
(m-i-s-s you much)
I'm rushing home
Just as soon as I can
I'm rushing home to see
Your smiling face
And feel your warm embrace
It makes feel so g-g-g-good
So I'll tell you baby

Поклонники голливудской кинопродукции давно уже заметили особый существующий там жанр — подростковое кино. Конечно, придумывают и снимают такие ленты вполне взрослые дяди и тети, но, несмотря на то, что делаются они на студиях отнюдь не предназначенных исключительно для «детских и юношеских фильмов», потребитель обозначен четко: подросток. Сюжеты и приключения героев могут быть самыми разными, но результат всегда один: хорошие мальчики (что-то вроде «тимуровцев», как, например, в «Потерянных мальчиках») под руководством кого-нибудь из старших (что-то вроде «старшей пионервожатой», как, например, в «Ох уж эта наука!») непременно побеждают плохих мальчиков. И добиваются: а) любви хорошей девочки (или наоборот, если фильм про девочек); б) успеха на выбранном поприще (музыка, лыжный спорт, компьютерные игры); в) уважения взрослых (старших братьев, мам, пап, учителей); г) самоуважения, ибо, победив собственный страх, преодолевают все испытания, подстроенные враждебными силами, как потусторонними, так и вполне земными. Эдакий курс психологической сангигиены, о котором умные голливудские взрослые никогда не забывают, хотя и не всегда консультируются при этом с учеными из академических кругов.

Соответственно существует и целый класс «подростковых кинозвезд». Редко кто из них вырастает потом в настоящих антеров с крепкими антерскими биографиями (типа Майкла Фокса или того же Тома Круза), но уж зато свои роли они отыгрывают полностью.

Один из таких типичных американских подростков — Кори Хайм. (Вообще-то насчет типичности — вопрос сложный: наиболее характерным американским подростком, снявшимся уже в десяти фильмах, оказался родившийся в Канаде мальчик румыно-израильского происхождения.)

Впервые он появился на телеэкране в одиннадцать лет, его снимали для рекламы спорттоваров, потом он стал постоянным участником детского телешоу «Близняшки Эдисон», и после этого уже пошли настоящие предложения. «Я пригласил на просмотр своего первого настоящего фильма «Лукас» директора школы и учителей — надеялся, что они после этого станут ко мне добрее. Но не тут-то было — преподаватель алгебры, которую я, откровенно говоря, терпеть не могу, стал еще строже...»

Вообще-то школьная тема — одна из основных в подростковых фильмах. И ситуации, в которые попадают герои Кори Хайма, тоже типичны для любого мальчишки его возраста: герой фильма «Лукас» сражается за то, чтобы отстоять свое «я» в новой школе, в новом коллективе. Герой «Водительских прав» трудится изо всех сил, чтобы получить водительские права, понравиться девочке и заработать на собственный автомобиль (заметьте — зарабатывать). Герой «Потерянных мальчиков», симпатичной «вампирской комедии», при поддержке друзей сражается за бессмертную душу старшего брата и за то, чтобы очистить курортный городок от терроризирующих его вампиров. (Ситуация, в общем-то, как-то нетипичная, но вспомним: разве не присущи этому возрасту разного рода иррациональные страхи?)

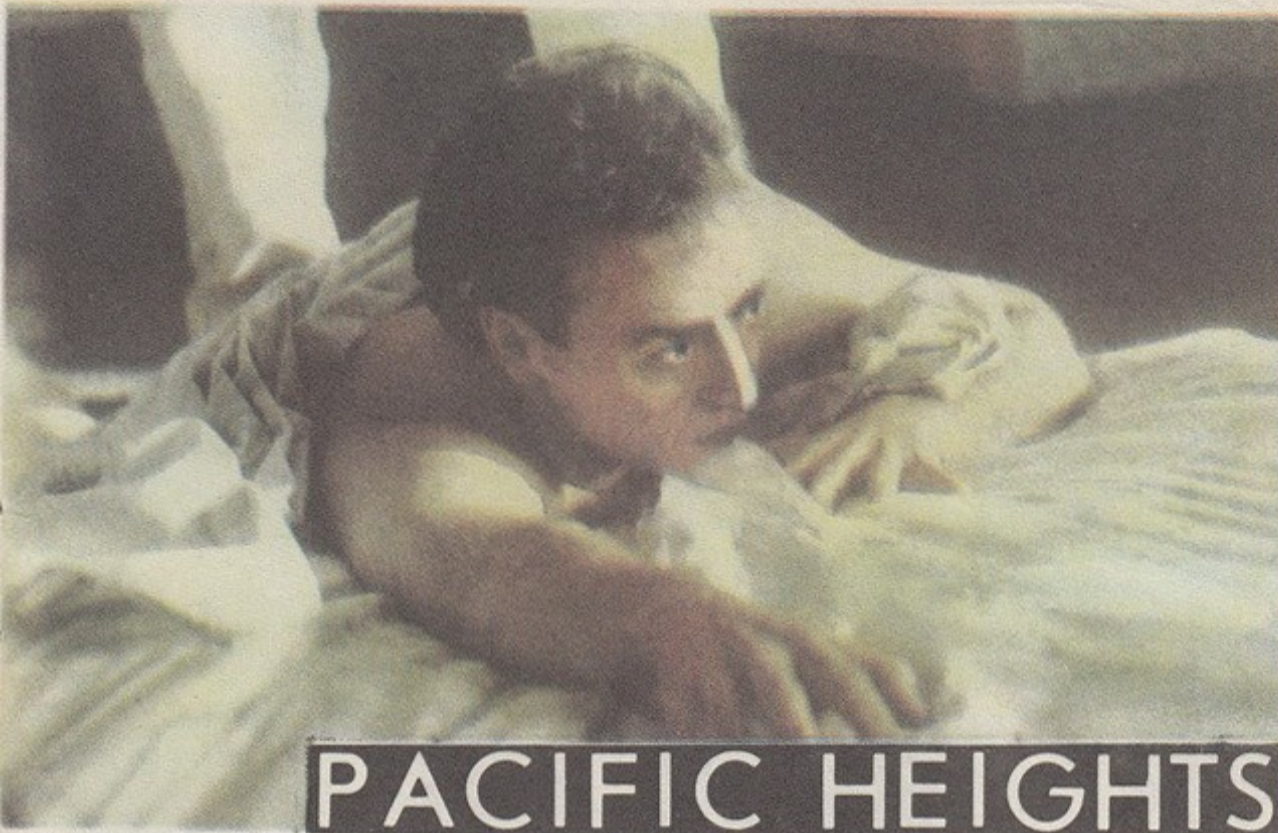
Да и сам Кори Хайм отличается от остальных ребят только тем, что снимается в кино — а так все достаточно обыкновенно: в детстве играл в хоккей и мечтал стать знаменитым хоккеистом, живет попеременно то с папой, то с мамой, состоящими в разводе, у него есть глубокоуважаемая сестра-студентка, мечтает когда-нибудь познакомиться с хорошей и серьезной девушкой («Лучше — студенткой Гарварда, умницей»), как только исполнилось восемнадцать — купил себе первый автомобиль, короче: «Я из тех нормальных ребят, у которых есть своя определенная система ценностей и которые сознают ответственность». У него были свои проблемы, в частности, пробовал наркотики: «И теперь открыто об этом говорю, чтобы предостеречь других ребят. Слава Богу, я в это не втянулся»; у него вполне определенные планы на будущее: «Когда-нибудь начну сам снимать кино»; у него есть профессиональные идеалы, и самые уважаемые — Де Ниро и Аль Пачино. Что же, помимо удачи, отличает его от других ребят? Разве что более развитое чувство ответственности и умение работать. Да и любители подросткового кино тоже ясно видят, что американские подростки разнятся от наших, может, только чуть большей самостоятельностью и тем, что имеют гораздо больше жизненных удобств. Но это же кино довольно неназойливо показывает, что при самостоятельности и умении работать эти удобства вполне достижимы...

А для самых преданных поклонников — адрес фэн-клуба Кори Хайма: c/o APA 9000 Sunset Blvd. N 1200, Los Angeles, CA 90069, USA.

С. АЛЕКСЕЕВА

ORDEREY HAHIM W

РАСИФИС HEIGHTS

США. 1990 г. 1 ч. 40 мин. Реж. Джон Шлезинджер. В ролях: Мэтью Модайн (Дрейк), Мелани Гриффит (Пэтти), Майкл Китон (Картер Нейес) и др.

Поклонники антера Майкла Китона («Бэтмен», «Джонни-Опасно»), привыкшие к его комедийным ролям, с интересом воспримут новую работу — роль преступника-психопата. Это — боевик, повествующий о том, как в фешенебельном районе Сан-Франциско селится новая семья. Они пускают к себе жильца — на первый взгляд вполне пристойного бизнесмена, однако этот бизнесмен доводит своих хозяев до того, что они начинают подумывать о преступлении. А на самом деле владельцы земельных участков специально нанимают подобных «жильцов», чтобы они заставляли своих хозяев продавать дома за бесценок...

США. 1990 г. 3 ч. Реж. Кевин Костнер, сцен. Майкл Блэйк по собственному роману. В ролях: Кевин Костнер, Мэри Мандоннелл, Грэм Грин, Роберт Пасторелли и др.

«Танцы с волками» изначально были обречены на провал: отмирающий жанр, продолжительность, какую и любитель конных погонь выдержать не в состоянии. Да и успех Орсона Уэллеса и Клинта Иствуда, подобно Костнеру, перешедших в свое время от актерства к режиссуре, был скорее исключением, ничего не гарантирующим. И вот поди ж — семь «Оскаров»! Что же случилось?

Да, собственно, ничего — в разгар войны между Севером и Югом лейтенант Данбар попадает в форт на границе с индейской территорией. И вместо того, чтобы воевать с индейцами, уходит к ним и у них находит для себя смысл жизни.

DANCES WITH WOLVES

ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ

США. 1990 г. 1 ч. 57 мин. Реж. Пенни Маршалл. В ролях: Роберт Де Ниро (Леонард Лоу), Робин Уильямс (доктор Малькольм Сэйер), Джули Кэвнер, Рут Нельсон и др.

Фильм — обладатель одного из «Оскаров» прошлого года, повествует о взаимоотношениях врача и пациента — психиатра Сэйера и больного Лоу, который вот уже тридцать лет находится в состоянии сна. Врач применяет новое экспериментальное лекарство, и больной возвращается к реальности, но надолго ли? Эта тонкая психологическая драма — пример блистательной игры двух звезд американского кино — Де Ниро и Робина Уильямса («Москва на Гудзоне», «Общество мертвых поэтов» и др.).

AWAKENINGS

ПРОБУЖДЕНИЯ

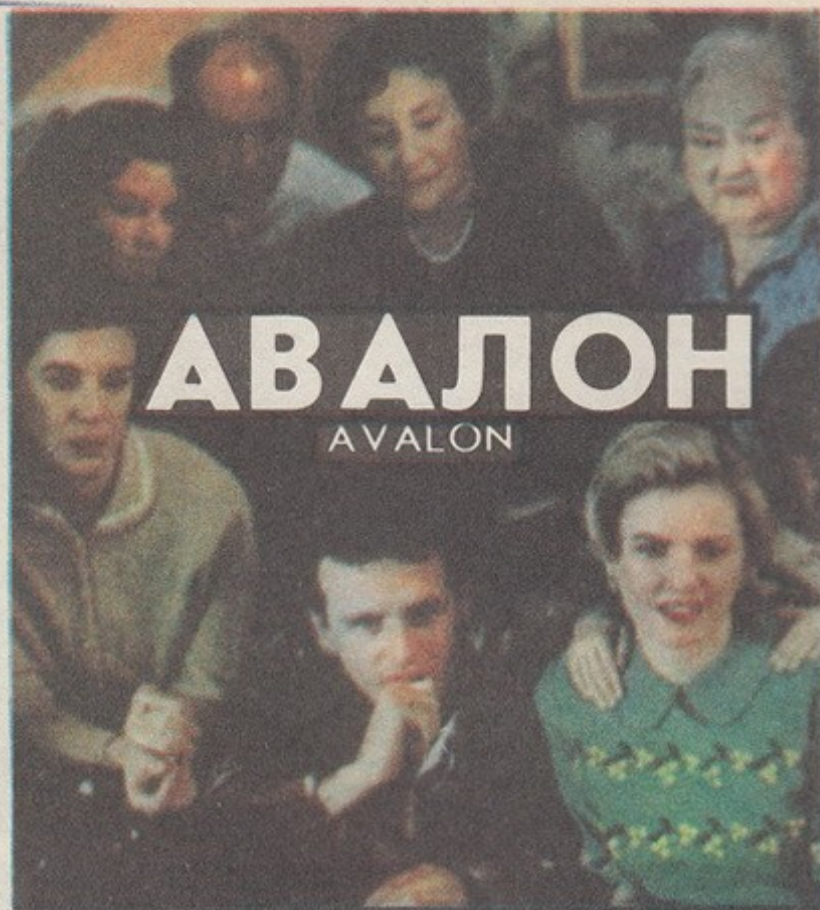
США. 1990 г. 1 ч. 57 мин. Реж. Фред Шепизи по роману Джона Ле Карре. В ролях: Шон Коннери (Барли Блэйр), Мишель Пфейффер (Натя), Рой Шейдер (Рассел), Джеймс Фокс (Нед), Клаус Мария Брандауэр (Данте) и др.

Спасибо перестройке — советские читатели теперь уже хорошо знают творчество знаменитого английского мастера «шпионских» романов Джона Ле Карре, а «Русский дом» был опубликован «Иностранной литературой» в 1990 году вскоре после его выхода в Великобритании. Так что пересказывать сюжет вряд ли имеет смысл. «Спасибо перестройке» — говорят создатели фильма, поскольку впервые фильм о тяжелой работе в СССР представителей иностранных разведок был снят на фоне не нартонного Кремля, а самого настоящего.

РУССКИЙ ДОМ

THE RUSSIA HOUSE

АВАЛОН
AVALON

США. 1990 г. 2 ч. 6 мин. Реж. Барри Левинсон. В ролях: Армин Муллер-Стал (Сэм), Джоан Плаурайт (Ева), Эйдан Куинн (Жюль), Израэль Рубинек (Натан), Элизабет Перкинс и др.

Постановщик знаменитого «Человека дождя» Барри Левинсон рассказывает теперь о жизни нескольких поколений семьи Кричинских, прибывших в Америку из Восточной Европы еще в 1914 году. Старший брат Сэм выбивался из сил, чтобы прокормить семью, его сын и зять уже начинают свое дело — магазин, где продают телевизоры. Неудачи, конечно, подстерегают их, но семья, семейная близость помогают преодолеть все. Этот фильм — не для любителей боевиков, но тем, кто устал от космических спецэффектов и от пальбы, он принесет желанное отдохновение — ибо это фильм о людях.

США. 1990 г. 2 ч. 40 мин. Реж. Фрэнсис Форд Коппола. В ролях: Аль Пачино (Майкл Корлеоне), Дайана Китон (Кэй), София Коппола (Мэри), Энди Гарсия (Винцент Манчини), Эли Уоллоч, Бриджит Фонда и др.

Похоже, продолжение саги о семействе Корлеоне стало семейным фильмом клана Копполы: музыку написал сын режиссера, одну из ролей сыграла дочь режиссера (участвовала также представительница трудовой кинематографической династии Фонда). Однако это не помешало «Крестному отцу III» выбиться в пятерку лучших фильмов прошлого года. Те, кто любят и помнят предыдущих «Крестных отцов», по достоинству оценят новую работу Аль Пачино в роли уже постаревшего Майкла.

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ III

THE GODFATHER, PART III

